

18+

Ольга Фикс

КРОЛЪЧАТНИК

Ольга Владимировна Фикс

Крольчатник

Серия «Люди, которые всегда со мной»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10673540
О. Фикс. Крольчатник: Книга-Сефеп; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-160750-0*

Аннотация

История молодежной коммуны в Подмоскowie в самом начале девяностых годов. Герои, почти подростки, спасаются от жестокости окружающего мира, укpывшись за стенами стоящей в лесу одинокой дачи. В своем маленьком мирке они пытаются создать идеальное общество, построенное на дружбе, взаимопомощи и безграничном доверии. Герои безудержно смело экспериментируют, в поисках истинной любви изобретая собственные нравственные законы, бросая вызов прогнившей лицемерной морали. Друзья верят, что у них все получится. Они сообща организуют быт, ведут хозяйство, поровну распределяют между собой обязанности, вместе заботятся о появившихся детях и всегда готовы прийти друг другу на помощь. Но долго ли способна просуществовать такая коммуна? Так ли прочны узы, связывающие героев? Не разлетится ли все это при первом же порыве ветра как карточный домик?

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	12
3	22
4	26
5	32
6	36
7	40
8	47
9	49
10	52
11	57
Часть вторая	61
1	61
2	70
3	81
4	82
5	90
6	93
7	100
8	112
9	117
10	126

11	130
12	139
13	145
14	147
15	155
16	157
17	165
18	175
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Ольга Фикс

Крольчатник

© Ольга Фикс, текст, 2024

© Юлия Межова, ил., 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Часть первая

1

В тихий осенний вечер, один из тех редких вечеров, когда сквозь красноватое облако смога, постоянно застилающего московское небо, вдруг робко и ненадолго пробивается свет Полярной звезды, а луна прозрачной перламутровой раковиной низко-низко зависает над еще не включенными фонарями, Марина ехала в гости к Валерьяну.

Валерьяну было девятнадцать лет, и для своего возраста он был довольно-таки занятым человеком. Сутки через трое он сторожил частную автостоянку и по четыре вечера из каждых семи – во всяком случае, в теории – учился вечерне в Универе на филологическом, изучал родной язык и литературу. От армии его надежно оберегал белый билет, хотя, в общем-то, и без билета любому дураку сразу было видно, что Валерьян псих.

Был он сутул, угловат, и у него слегка косил левый глаз, что, впрочем, выходило весьма симпатично. Кроме того, он слегка прихрамывал, но Марина никак не могла запомнить, на какую именно ногу. А еще он писал стихи.

Они познакомились на поэтическом вечере в Некрасовке, где Валерьян вместе с другими начинающими поэтами читал

свои творения, а Марина слушала, стоя среди других пестро одетых и безвкусно покрашенных девиц, ничем особенно среди них не выделяясь.

Это был довольно-таки редкий случай, потому что в норме Марина косметики совершенно не употребляла, а одевалась вот как сейчас – в узенькие синие джинсы и какой-нибудь свободный балахончик, желательно с капюшоном. В таком виде она ходила и в школу, и в кино, и в консерваторию, и даже на свидания.

Но в тот день ей все осточертело. Тот день был совершенно особенным – на рассвете Марина проводила в Шереметьево свою лучшую, можно сказать, единственную подругу Аню. С Аней они дружили с шести лет, с самого первого класса, вместе сидели за партой, ни разу не ссорились и почти никогда не расставались – ну разве что летом или когда кто-то из них болел. И вот теперь Аня уехала. Ее, как отличницу, послали на семестр по обмену в Америку. Это было совершенно невозможно себе представить, потому что всегда, всю жизнь, Аня была рядом, с ней всегда можно было перемигнуться, пошутить, на худой конец звякнуть ей по телефону, посоветоваться, как жить дальше. Не было случая, чтобы у Ани не нашлось на что-то ответа – своего собственного или взятого из книг.

Из-за Аниного отъезда весь тот день у Марины пошел наперекосяк. Ни в какую школу она, конечно, не пошла, хотя самолет улетал в шесть утра и на первый урок Марина успе-

вала с запасом. Вместо этого она полдня проревела, уткнувшись в подушку, а вечером с мрачным видом явилась к матери в спальню и категорически потребовала косметичку. Мамину, конечно, своей-то у Марины отродясь не бывало.

Мама была даже рада: наконец-то ее Мариночка сделалась похожей на других девочек, ежедневно встречаемых мамой на улице. На Марине в тот день оказались черные лосины, черная мини-юбка и шелковая красная блузка, а на голову Марина вылила чуть ли не весь флакон маминых французских духов, так что ее длинные и темные, распущенные ради такого случая волосы благоухали на весь автобус, и люди, притиснутые к ней в давке, вынуждены были зажимать носы. Марине казалось, что все на нее оглядываются (очень может быть, что так и было), она сутулилась и втягивала голову в плечи.

Поэтов в тот вечер выступало немного, человек пять-семь. Несли они, в основном, галиматью, от которой буквально уши у всех вяли. На этом фоне стихи Валерьяна выделялись необыкновенно. Сперва они показались Марине каким-то набором слов, еле связанных необычайным, завораживающим ритмом, но постепенно проступили какие-то мысли – неизвестно только о чем. Наизусть эти стихи не запоминались, только что услышанные строчки забывались мгновенно, но чувство, возникшее в Марине, пока Валерьян их читал, осталось потом с ней надолго.

Прочел он тогда довольно много, все тихим, каким-то как

бы бесстрастным голосом. Марина слушала, и сперва ей казалось, что она ничего не понимает, потом вдруг как-то вышло, что что-то она все-таки поняла, вот только, кажется, не в стихах, а так, в себе, в жизни...

Такая вначале была тоска, по Ане, по всему, что с ней было связано, по тому времени, когда Аня была всегда рядом и, значит, под рукой всегда был ответ на любой вопрос. Такое было одиночество, брошенность и незащищенность, такая беспросветная мгла – и вдруг появился просвет! На душе от этих непонятных стихов сделалось вдруг так спокойно – этакий якорь спасения в непонятном и бурном житейском море. Человек, который пишет такие стихи, что-то должен наверняка понимать!

Когда все закончилось, слушатели рванулись на улицу – в еще теплую осеннюю ночь, но расходиться сперва не стали. Люди стояли во дворе и в арке у выхода, сбивались тесными группками – все, похоже, между собой знакомые, не в первый раз на таких вечерах. Марина же про сегодняшний вечер узнала в школе, но никого из одноклассников видно не было, не было вообще ни одного знакомого лица. Марина стояла у стены, чувствуя себя потерянной в этой совершенно чужой толпе. «И вот так теперь будет всегда, – с тоской думала Марина. – Ах, Анька, Анька, и зачем же ты уехала?» На мгновение возникла мысль, что вот если бы ей, Марине, предложили поехать куда-нибудь одной, без Ани, она бы тогда наверняка отказалась! Но ей тут же сделалось стыдно.

Марина в очередной раз тоскливо огляделась и увидела совсем рядом, у той же самой стены, в двух шагах от себя, того единственного понравившегося ей поэта. Он тоже стоял один и курил, пуская кольцами дым. Такие у него получались смешные колечки, этакие бараньи завитушки – серенькие, какие бывают у романовских овец. Марина смотрела на них, смотрела и внезапно рассмеялась. Так эти завитушки не увязывались со всей ее сегодняшней тоской, так выделялись, просто как из другой жизни! А Валерьян, услышав ее смех, поднял голову, посмотрел сначала сурово, обидчиво – что, мол, тут за смешки такие, уж не над ним ли, часом, смеются, но, встретив ясный, простодушный Маринин взгляд, не выдержал и сам расхохотался. Однако тут же вновь сдвинул брови и с притворной строгостью спросил:

– Может, вы все-таки расскажете, что вы нашли во мне такого смешного?

Марина от смеха прямо-таки согнулась пополам. Однако нельзя же так, надо же было хоть что-нибудь ответить! И Марина, собравшись с силами, больно, изо всей мочи ущипнув себя за руку, чтобы не смеяться, с трудом выговорила:

– Колечки! Колечки, понимаете?

– Какие колечки? – не разобрал он поначалу. Но, сообразив наконец, в чем дело, слегка смутился.

– Привычка у меня такая. А что, в самом деле очень смешно выходит? – неожиданно забеспокоился он.

– Да нет же! Просто у меня настроение сегодня такое ду-

рацкое. – Марина как-то сразу угасла. Ей снова вспомнилось утро в аэропорту, долгая одинокая дорога домой.

– Эй, девушка! – шутливо окликнул он ее. – Что-то вы погрустнели. Не сотворить ли вам еще пару колечек?

– Пожалуйста! – с неожиданным жаром отозвалась Марина. – Только, если можно, давайте уж сразу целую сотню, а то два колечка – они, знаете ли, слишком быстро растают!

– Ну что ж, сотню так сотню, мне не жалко. А у вас хватит времени на сто колечек? Ведь на это, поди, весь вечер уйдет.

– Времени у меня сколько угодно, – храбро солгала Марина. Мама ждала ее самое позднее через полчаса. Но в конце концов, не она ли всегда говорит, что Марине пора наконец повзрослеть? Правда, было тут и еще одно, немаловажное когда-то обстоятельство: Марина прекрасно знала, что Аня бы ее поведение не одобрила. Но какая, собственно, разница? Все равно Аня теперь далеко.

– Если вы не возражаете, – говорил тем временем Валерьян, – мы могли бы поехать ко мне домой.

– Не возражаю, – важно ответила Марина. Но не выдержала и снова прыснула.

Ехать оказалось довольно долго. Марина прикинула, что от ее дома это прямо противоположный конец Москвы.

Валерьян жил на пятом этаже маленькой пятиэтажной хрущевки. Пока по лестнице заберешься – запыхаешься! В какой-то момент Марину стало ужасно волновать, что от таких физических усилий у нее теперь наверняка заблестит нос. Но эта мысль, едва возникнув, тут же исчезла, сметенная вихрем совсем других переживаний. Ведь она в первый раз в жизни идет вот так в гости к незнакомому человеку!

Небольшая двухкомнатная квартира, в которой оказалась Марина, поразила ее неухоженностью и явным неудобством. Ключья обоев свисали со стен, потолки были грязно-серые, все в потеках и пятнах, паркетный пол под ногами рассыпался на отдельные паркетины.

– Послушайте! – не выдержала она наконец. – Вы что, один тут живете?

– С бабушкой, – отозвался поэт, который, в три погибели согнувшись, безуспешно пытался нашарить для Марины тапочки. – А, да ладно! – махнул он рукой. – Так проходите. Все равно тут полы бог знает сколько не мыли.

«Да тут и от полов-то скоро ничего не останется», – мысленно добавила Марина, совершенно потрясенная всем увиденным, но вслух ничего не сказала. А она-то думала, что по-

эты творят в исключительно уютной, эстетически облагороженной обстановке! Впрочем, может, он здесь только живет, а творит где-нибудь в другом месте? На бульвар, например, выходит? Какой тут бульвар должен быть рядом? Кажется, Симферопольский? Марина бывала однажды в этих краях, когда двоюродный брат, прежде ни разу не виденный, приезжал в гости из Америки. Он тогда останавливался где-то поблизости, у других каких-то родственников.

Из кухни выглянула старушка в засаленном халате и неопределенного цвета шлепанцах на босу ногу.

– Валечка пришел! – обрадованно гаркнула она, да так громко, что Марина невольно прикрыла руками уши. – А я уж знаю, у меня уж чаек вскипячен! – радостно громыхла старушка.

– Бабуль, потише, – поморщился Валерьян.

– Как чувствую-то себя? Да получше уже, получше. С утра сердце вроде бы кололо, так я валидолу под язык положила, и с тех пор как огурчик!

– Зелененький... – обреченно прошептал Валерьян и махнул Марине рукой, увлекая ее за собой дальше по коридору. Марина быстро прошла за ним следом, причем у нее сложилось полное впечатление, что эта старушка ее даже не заметила. Что она, к тому же слепая, что ли?

– Внучек, а что ж чаек-то? – прогрохотало им вслед.

– Бабуль, я в комнате у себя попью! – дико проорал Валерьян, и старушка, по-видимому расслышав, затихла.

После прихожей комната Валерьяна производила впечатление некоего оазиса. Широкая тахта была накрыта пыльным зеленоватым покрывалом, письменный стол у окна весь завален книгами и конспектами в засаленных, без обложек, тетрадках. На столе стояла лампа с прозрачным зеленым абажуром, не выключенная, похоже, еще со вчера. В дверном проеме виднелась потемневшая от времени круглая деревяшка турника. На стенах было множество книжных полок. Над тахтой висела картина, написанная яркой киноварью: странного вида кирпичный дом, пламенеющий в зареве заката, какой-то на удивление непропорциональный дом, правое крыло заметно меньше и ниже левого, под косыми окнами – заросли высокой, почти до середины стекол, острой рыжей травы, на коньке крыши не то флюгер, не то живой журавль, весь тоже какой-то изломанный.

Самыми уютными в Валерьяновой комнате были оконные рамы и подоконник. Выкрашенные темно-коричневой масляной краской, они издавна казались некрашеным деревом.

Люстра, вспыхнувшая под потолком, представляла собой старомодную плоскую тарелку, белую, в крупную серую сеточку. Сквозь сеточку проглядывали неопределенных очертаний красные цветы – не то розы, не то гвоздики. С люстры свисал одинокий пыльный пластмассовый самолетик.

Обои в комнате были выгоревшие, когда-то, наверное, коричневые, в едва заметный серо-желтый цветочек.

– Присаживайтесь на тахту, чувствуйте себя как дома, а я

пока за чаем сбегая, ладушки? – суетился Валерьян.

– Может, вам чем-нибудь помочь?

– Ну что вы, что вы, я сам! – Валерьян даже, кажется, слегка испугался. – Да я быстро!

И он стремглав выскочил за дверь. Впечатление было, что он смущен не меньше самой Марины, но изо всех сил старается этого не показывать.

– Ну вот, – сказал Валерьян, появляясь минут через десять с пластиковым подносом, на котором стояли две большие, в прошлом белые фарфоровые кружки, маленький чайник для заварки с отбитой ручкой и круглая деревянная сахарница. Чуть в сторонке лежала початая коробка шоколадных конфет-ассорти.

– Угощайтесь! И давайте, может быть, наконец познакомимся, а то как меня зовут, вы, наверное, знаете, а вот как вас?..

– Меня зовут Марина, – сказала Марина и храбро пригубила чай. Изнутри чашка оказалась совершенно бурой.

– Марина, а можно на «ты»? А то как-то неудобно.

– Конечно, пожалуйста! – Марина даже рассмеялась. Ей вообще это казалось странным и непривычным. И как это могло кому-то прийти в голову ее, Марину, на «вы» называть?

Некоторое время они молча пили чай, уткнувшись каждый в свою чашку и ощущая некую взаимную неловкость. Потом Марина набралась храбрости и задала-таки вопрос,

мучивший ее с тех самых пор, как они пришли:

– А где ваши... я хочу сказать, твои родители? Они что, отдельно живут?

Такого вопроса Валерьян, похоже, совершенно не ожидал. На мгновение он смешался, потемнел лицом и, с трудом подбирая слова, ответил:

– Они... Видишь ли, родители у меня умерли.

– Как, оба сразу? – вырвалось у Марины.

– Да, в наше время такое не так часто бывает, чтобы два довольно-таки нестарых человека... Но... помнишь, в восемьдесят шестом году авария была на Чернобыльской АЭС?

Марина кивнула.

– Ну так вот, их в числе прочих послали на ликвидацию последствий. И там то ли сами они проявили неосторожность, то ли с ними не слишком осторожно обошлись, но только... – Валерьян помолчал. – В Москву-то они вернулись, а вот сюда уже нет. С полгода в больнице пролежали, а умерли ну просто почти в один день, в течение одной недели. Отец на два дня только раньше. Они, знаешь, у меня очень любили друг друга, на порядок больше, чем меня, между прочим, хотя и нехорошо теперь так говорить. Ну ладно, я им, собственно, не в упрек, да и какие уж теперь могут быть упреки? Ну, в общем, мама без него все равно бы жить не смогла, так что это, наверное, правильно, что и она тоже... – Валерьян замолчал, достал из кармана сигареты и закурил.

«Они жили счастливо и умерли в один день», – пронеслась в голове у Марины идиотская мысль. Вот ведь некстати! Губы у нее подрагивали, как всегда в такие моменты, норовя сложиться в мерзкую, до неприличия похожую на улыбку гримасу. Верхнюю губу Марина почти до крови закусил, а нижнюю натянула на зубы. То-то, верно, рожа получилась! Но все ведь лучше, чем этот вечно преследующий ее в тяжелые моменты истерический смех. Как прикажете объяснять, если тебе рассказывают про какое-нибудь несчастье, а ты в ответ вдруг смеешься? Но что он там такое сказал? Правильно? Как это может быть правильной чья-то смерть?!

– Слушай, ты прости меня, пожалуйста, – тихо заговорила Марина, справившись наконец с собой, и на этот раз «ты» получилось у нее совершенно естественно. – Я не думала... Я ведь не знала!

– Ну конечно, откуда тебе было знать? Да, в конце концов, это ж все так давно было! Черт его знает, что это со мной сегодня, нервы стали совершенно никуда. Ты, пожалуйста, бери конфеты, они хорошие, это мне на вечере подарили, пришлось, правда, там же открыть, угостить ребят, но ведь тут все равно еще много осталось.

– Спасибо, – сказала Марина голосом благовоспитанной барышни и чинно, двумя пальчиками, достала из пластмассовой лунки конфету. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Чувство неловкости, возникшее было между ними, совсем исчезло.

– Как ты славно смеешься! – сказал Валерьян. – У тебя от смеха на щеках такие ямочки появляются.

– Да уж, единственная моя красота! – Марина кокетливо передернула плечом. – С пяти лет только и слышу про эти ямочки.

– Ну что ты говоришь! – возмутился Валерьян. – Как это единственная? У тебя... – Он на минуту задумался. – У тебя глаза совершенно потрясающие. Я, если хочешь знать, вообще еще никогда таких глаз не видел! Какого хоть они у тебя цвета?

– По-моему, голубые.

– Нет-нет, это только вначале кажется, что они голубые, а если присмотреться, то в глубине они у тебя вовсе не голубые, а зеленые. Очень необычные глаза.

– Правда? Ну спасибо на добром слове. – И оба они засмеялись.

– Почитай мне, пожалуйста, свои стихи, – попросила Марина, одолев с трудом едва ли половину чашки. Чай был явно самый дешевый, какой только можно в Москве раздобыть.

– Ты что, на вечере не наслушалась? Впрочем, ладно, давай почитаю, если хочешь.

Никаких тетрадок или листочков Валерьян не доставал, просто уселся поудобней, слегка ссутулил плечи, ладонями уперся в колени и начал читать. Но неожиданно глаза его из неопределенно-бурых превратились в темно-карие, глубокие, черты лица прояснились и само лицо каким-то чудом

из неправильного стало правильным, из некрасивого красивым, толстые губы налились живым теплом, и Марине начало казаться, что он не стихи читает, а словно бы целует ее, Марину, через весь стоящий между ними воздух.

Каждое новое стихотворение казалось Марине лучше прежнего, хотя спроси ее сейчас, что это были за стихи, о чем они были, и оказалось бы, что она ни словечка из них не поняла, ничегошеньки не запомнила. Валерьян читал, читал, а потом неожиданно протянул к Марине свои длинные нескладные руки, привлек ее к себе и стал в самом деле целовать.

– Как ты слушаешь! – бормотал он между поцелуями. – Нет, как ты слушаешь! Меня никто еще никогда так не слушал! Тебе и в самом деле так нравится?

– Да, – шептала в ответ Марина. – Да, да, конечно! – Но к чему, в сущности, относилось это «да», она не смогла бы объяснить толком.

Быстрые, горячие руки Валерьяна действовали вполне уверенно. Куда девался прежний нескладный Валерьян, робеющий и смущенный? Рядом с Мариной был сейчас совершенно другой человек!

Наверное, еще не поздно было вывернуться из его рук, попытаться остановить его словом или жестом, заорать, на худой конец, так, чтобы эта глухая бабушка на кухне услышала, или ему самому сказать просто, по-человечески, что она не хочет, не может, не должна... Но собственно поче-

му? Разве не мечтала она об этом последние года три почти непрерывно, тщательно скрывая это от себя и от Ани? Не из-за этих ли столь усердно скрываемых от самой себя чувств и мыслей ей пришлось недавно начать спать на полу, якобы чтобы сберечь осанку?

Но даже если и так, даже если она и хочет этого так постоянно и так безумно, все равно ведь так же нельзя! Она же не животное! Если даже считать, что брак и все такое – фигня (про себя Марина уже давно так считала), то... Все равно, должна же быть хотя бы любовь!

Но может быть, это и есть любовь? Ну просто такая любовь... С первого взгляда.

Именно эти мысли, проносящиеся в сознании, да еще судорожные попытки сохранить остатки самоконтроля – они-то и вырвали Марину по-настоящему из реальности, так что потом она никак не могла вспомнить, каким образом и в какой последовательности вся ее одежда оказалась смятой и на полу, а сама она – в постели, да еще укрытая теплым стеганым одеялом. Громко щелкнул выключатель, погасла лампа, и через мгновение Марина обнаружила себя плотно притиснутой к Валерьяну. Между ними не было ничего, казалось, даже и кожи, причем воспринималось это как нечто абсолютно естественное, будто так и надо.

– Расслабься! – шептал он. – Отчего ты такая зажатая? Ты боишься меня? Не надо, успокойся, все будет хорошо! – Голос его звучал так нежно, что Марина и в самом деле со-

вершенно успокоилась. Конечно же, он ее любит, вот только интересно, почему он ей этого еще не сказал? С этого ж, наверное, полагается начинать? Или это только в книжках так бывает? А может быть, это ей надо признаться первой? Она же его чувствует, это самое «чувство, такое чувство, какого раньше никогда не чувствовала» – стало быть, это правда?

– Я люблю тебя, – прошептала она.

На мгновение он отпрянул, но тут же успокоился и снова привлек ее к себе.

– Я тоже, – прошептал он. – Господи, какая же ты маленькая, ну просто мышонок!

«И совсем не так больно, – думала, стиснув зубы, Марина. – Вполне можно перетерпеть».

«Это и не больно, и не хорошо, – решила она через несколько минут. – Это просто никак». И она ощутила горькое разочарование.

Крови не было. Совсем. В этом она была уверена, потому что утром сама самым тщательным образом осмотрела простыню, разумеется далеко не белоснежную, но кровь? Нет, крови не было и в помине.

– Что ты там ищешь? – заинтересовался Валерьян. – Колечко потеряла?

– Да нет, – растерянно и досадливо проговорила Марина. – Кровь я ищу. Должна же быть кровь. Все говорят, и в книжках вот пишут...

– Так ты что... – Валерьян не договорил, с досадой закусывая толстую нижнюю губу. – Черт, мне ведь даже и показалось, но я решил, что, конечно, кажется. Слушай, как же ты теперь будешь?

– Как? – Маринины плечи слегка дрогнули и опустились. От них точно отпали крылья, державшие ее во все время этого ночного полета над собой, над собственной жизнью. Всю ночь Марина как бы летала и оттуда, сверху, иногда посмеиваясь, а чаще с недоумением, наблюдала за тем, что происходило с нею внизу. Но теперь, когда крылья отпали, под ногами вновь оказались разохшиеся паркетины пола, а впереди оказалась жизнь – та самая, из которой она вчера вылетела, да к тому же еще и без Ани.

И любви, конечно же, никакой такой не было – наприду-

мывала невесть чего самой себе в оправдание. Вон он как на нее теперь смотрит. И ей, Марине, такого любить?

Ох, в самом деле, как же ей теперь?

– Не знаю, – произнесла наконец Марина. – Как-нибудь, – добавила она неуверенно.

– Послушай. – Валерьян тяжело опустился на тахту, обнял Марину и усадил к себе на колени. – Наверное, я кретин. С этого, конечно, надо было начинать, но все-таки, скажи мне, Марина, сколько тебе лет?

– Семнадцать, – убитым голосом сказала Марина. Ей самой сейчас это было совершенно безразлично. Наверняка он больше не захочет иметь с ней никакого дела.

– Ну, это еще не самый худший вариант. Надо ж когда-нибудь начинать! – При этих словах Марина так резко рванулась у него из рук, что Валерьяну с трудом удалось ее удержать. Нет, конечно, все можно сказать, но не все же обязательно слушать! – Послушай, я опять что-то не то несу. Прости меня, пожалуйста, просто все это как-то совсем... неожиданно. И... мне, наверное, надо будет обо всем об этом подумать.

– Вот-вот, и мне, наверное, тоже. – Постепенно к Марине возвращалось самообладание. Интересно, что она скажет маме? И в школе еще один день пропустила!

Марина не спеша, деловито, без тени смущения начала одеваться. В конце концов, раз уж так случилось. В конце концов, она же взрослый человек. В конце концов, да не ко-

нец же это всей жизни!

Сидя на тахте, Валерьян хмуро наблюдал за ней. Когда Марина совсем уже собралась уходить, он резко встал, обнял ее, начал целовать. «Ну нет, только не сейчас! – в ужасе подумала Марина, предпринимая судорожные попытки высвободиться. – Вот честное слово, на сей раз я таки закричу!»

Но Валерьян уже отпустил ее. В его глазах, неожиданно снова сделавшихся карими, теплыми, читалась сейчас искренняя тревога за Марину и какая-то... тоска по несбывшемуся, что ли? По чему-то, что еще, наверное, могло бы быть, если...

– Послушай, ты, пожалуйста, не исчезай так сразу со всем! – неожиданно попросил он. – Оставь хотя бы свой телефон, а то... Ну, я так просто не могу...

«А ему ведь, наверное, очень одиноко живется, – поняла вдруг Марина. – У меня хоть мама есть. И папа», – добавила она с некоторым запозданием.

– Хорошо, – произнесла она вслух. – Найдется у тебя, чем записать? А то я уже спешу.

– А как же? – Валерьян покопался в разбросанных по столу бумагах и извлек из-под них ручку.

– Ну да, ты же у нас поэт. – Марина слабо улыбнулась. – Записывай. – Она продиктовала номер. – И напиши, что Марина, а то еще забудешь.

– Уж как-нибудь.

Они вместе дошли до входных дверей, Валерьян отомкнул

замок, дверь сразу же распахнулась, но Валерьян удержал Марину за плечо и нежно, медленно поцеловал ее на прощанье.

– Пока! – прошептал он. – Я обязательно позвоню.

«Как же, жди, – думала Марина, спускаясь по бесконечной лестнице, злясь на самое себя. На душе было пусто, как после атомной войны. – Вот взять бы сейчас да бросить в эту квартиру гранату! Чтобы ни квартиры, ни Валерьяна, ни идиотской глухой старушки. Сразу – как будто вообще ничего не было».

– Господи, что же я скажу маме! – простонала она.

«А может, он все-таки еще позвонит?» – ласково шевельнулось где-то на дне души. Но Марина решительно замотала головой. Из давнего детсадовского опыта она запомнила твердо: если во что-нибудь не верить, то оно, может быть, еще сбудется, а так – нет.

Подымаясь в лифте и уже подходя к своей квартире, Марина отчетливо слышала и даже как будто видела, как бухает под тонкой блузкой ее испуганное сердце. Ох, что ж теперь будет? Ведь еще вчера ей казалось, что не прийти домой ночевать – вещь совершенно немыслимая, что мир от этого перевернется, маму непременно хватит удар и вернувшись утром Марина узнает, что ее мама в больнице или вообще сошла с ума. Ну и вот, она не пришла и даже не позвонила. Не позвонила-то почему? Вечером ведь, когда ехали к Валерьяну, Марина всю дорогу думала, что надо, обязательно надо, как придет, сразу же позвонить, а в результате не удосужилась даже спросить, где у них там, в этой раскуроченной квартире, телефон? Все казалось, что есть еще время, успеется. Марина ведь вообще не собиралась там ночевать! Тогда как же так получилось? Ах да, тогда, после всего, Марина просто сразу заснула, как-то неожиданно вырубилась, теперь даже не вспомнить когда.

Удивительно: Марина всегда так плохо засыпает, думает перед сном, ворочается, а в поездках, например, вообще никогда не спит. И вот вдруг, в чужой постели, в незнакомой обстановке, при таких обстоятельствах, и так сразу заснуть? Наверное, дело в том, что накануне из-за Аниного самолета, улетавшего в такую безбожную рань, Марина вообще прак-

тически не спала.

Она отперла дверь и медленно, крадучись, скользнула в прихожую. Хотя бы первые-то минуты прошли спокойно! Но не тут-то было.

Из маминой комнаты стремглав выскочил Фунтик, крошечный карликовый пинчер – когда его только принесли, он весь уместился в рюмке – и начал отчаянно лаять. Не собака, а звонок электрический, причем без выключателя. Его звонкий визгливый лай разносился по всем этажам, с первого до девятого, притом что Маринина квартира была на третьем. С трудом подавив раздражение, Марина наклонилась и подхватила песика на руки – иначе ведь ни за что не замолчит! Он тут же излизал ей лицо и руки, искусал пальцы и даже умудрился, ловко подскочив на руках, шутливо вцепиться в ухо – не больно, но достаточно неприятно. Экая бестия!

– Ну, хватит, хватит! – увещевала его Марина. – Как ты ни старайся, а настоящей собаки из тебя все равно не выйдет. Никакая ты не собака, сплошная несуразица! Да вот! Ну, брат, ты и нахал! – На сей раз песик исхитрился ухватить Марину зубами за нос. Марина присела на корточки, осторожно поставила собачонка на пол и подняла голову.

Прямо напротив нее, у дверей в свою комнату, стояла мама, на вид вполне здоровая, но очень растрепанная и с довольно-таки красными, слегка припухшими глазами. Мама молчала. Марина тоже. Марина даже с корточек приподнялась, несмотря на то что обрадованный Фунтик оперся лапа-

ми о ее колени и начал старательно вылизывать ей лицо, время от времени слегка прихватывая зубами губы и щеки. Так вот они и смотрели друг на друга, Марина и мама, и ничто не нарушало эту жутковатую тишину, кроме разве что вечного попискивания компьютера, доносящегося из-под папиной двери.

Входя в дом, Марина ожидала криков, ругани, ее бы не удивила даже пощечина. На улице, перед домом, она с замиранием сердца посмотрела, не стоит ли где поблизости скорая помощь. Всю дорогу Марина заготавливала бесчисленные ответы на всевозможные будущие вопросы. Но как прикажете отвечать, когда тебя ни о чем не спрашивают?!

Неожиданно мама всхлипнула, поползла по косяку и села вдруг прямо на пол. Марина не верила своим глазам. Ее мама сидела на полу и, закрыв лицо руками, плакала, беспомощно, как ребенок.

– Мамочка! – Марина тут же подскочила к маме. – Успокойся, не плачь, пожалуйста, я же пришла, ничего же не случилось, уже все в порядке!

Мама вцепилась в Маринину руку с цепкостью маленькой девочки, потерявшей на мгновение своих в незнакомой толпе. Другой рукой она, как слепая, без конца ощупывала Маринино лицо, руки, плечи, перебирала волосы и плакала, плакала не переставая.

– Ну, мам, ну чего ты, ты чего, мам? – тщетно повторяла Марина, которой уже стало казаться, что роли каким-то чу-

дом переменились и старшей теперь стала она.

Наконец мама слегка успокоилась, поднялась с пола, тяжело опершись при этом на Маринино плечо, и они вдвоем перешли в кухню, где устроились на диване в обнимку.

Ни о чем Марину мама не спрашивала. Похоже было, что на данный момент ей вполне хватало того, что Марина здесь, с ней, дома, что Марина нашлась и ничего ужасного с ней не случилось. Что же до объяснений, то мама, казалось, была готова принять любые версии, хоть сколько-нибудь логичные и правдоподобные. И Марина, не особенно затрудняясь, наплела ей, что на вечере она познакомилась с одной девочкой и – «ой, мам, такая девочка, она из французской школы, той, что у метро, знаешь?» – что после вечера они пошли к той девочке домой – «она, мам, недалеко тут живет, я, мам, сначала думала, зайду на минуточку, а потом мы с ней так заболтались, что я, мам, представляешь, уснула там в кресле, просто как провалилась, прямо посреди разговора, и так до утра и не проснулась, они, мам, просто не знали, что со мной делать, представляешь, как получилось? Ты не очень сердисься, мама?» Мама только рукой махнула.

– Лишь бы с тобой все было в порядке! Ходи, пожалуйста, в гости к подружкам, ночуй у них, если хочешь, тем более Аня уехала и тебе, наверное, без нее одиноко. Ты только, пожалуйста, Марина, не делай так больше, обязательно в другой раз звони! Ох, что я пережила, думала, просто с ума сойду! Чего я себе только не навоображала! Во все морги зво-

нила, во все больницы! — и мама опять жалобно всхлипнула.

— Прости меня, мамочка! — снова и снова покаянно шелестела Марина. — Я больше никогда-никогда так не буду! Можно я теперь помоюсь и пойду спать? По-человечески, лежа, а не сидя в кресле?

— Конечно, а есть ты разве не хочешь?

— Нет-нет, я потом.

Как хорошо, что все снова стало на свои места и мама опять стала мамой, а Марина опять ее маленькой дочкой! Как страшно было, когда было наоборот!

Марина зашла в ванную и медленно разделась. На трусах оказалось маленькое пятнышко. «Значит, все-таки кровь», — подумала Марина с каким-то мрачным удовлетворением.

Она быстро застирала трусы в холодной воде и небрежным жестом закинула их на батарею. Внутри все немного ныло, тянуло слегка внизу живота, а так, всерьез, нигде у нее ничего не болело. Марина залезла в ванну, намылилась, включила душ, сперва горячий, а потом холодный, чтобы прийти в себя. Сняла с полки шампунь и вымыла голову, смыв наконец с волос мамины духи, а заодно и въевшийся в них чужой запах.

Тщательно вытершись, Марина, не одеваясь, встала перед большим, с пола до потолка, зеркалом, занимавшим у них в ванной целую стену, и придирчиво себя осмотрела. Никаких видимых изменений она не нашла. Внутренние? С этим еще предстояло разбираться. Но сначала — спать. Спать. Несмот-

ря на контрастный душ, в голове у Марины стоял туман, и из-за него все происшедшее сегодня ночью казалось чем-то нереальным, словно бы подернутым дымкой. «А был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?» – язвительно спросила Марина у самой себя, показала себе язык и вышла из ванной.

Когда она шла мимо кухни, ее окликнула мама:

– Мариночка, только одну вещь я тебе должна сказать.

– Ммм-да?

– Марина, папа ничего не знает. Я его не стала волновать, ты ведь знаешь, как он много работает. И ты ему тоже, пожалуйста, ничего не говори.

– Конечно, мамочка!

Марина вошла к себе, легла и отвернулась к стене, устало сомкнув глаза. Черт, она ведь спала, так отчего же опять ей так хочется спать, спать, спать и не просыпаться? И, уже засыпая, Марина услышала зычный возглас:

– Люся! Обедать!

«Интересно, который сейчас может быть час?» – лениво подумала Марина и заснула.

Проснулась Марина уже в сумерках. На часах было полседьмого. Что там мама такое сказала последнее? Ах да, не говорить папе. Нет ничего проще! С папой Марина и так почти что никогда не разговаривает.

Папа у Марины – мировой мужик. В своем роде. Сидит себе за компьютером, час сидит, другой, третий; день сидит, другой, третий; ночью тоже сидит, только клавиши постукивают да раздается иногда неожиданный зычный бас, вот как давеча:

– Люся, чаю!

Или:

– Люся, обедать! – (Независимо от времени суток.)

Потом вдруг – стоп! Все немедленно отключается, папа вскакивает, сгребает со стола бумажки-дискетки и бегом-бегом куда-то, к кому-то.

– Лёша, когда придешь?

– А черт его...

И дверь хлопнула. Может, сегодня вечером придет, может, завтра. А придет, так почти сразу опять за компьютер сядет. Нет, удобный он человек, что ни говори. А мама плачет. Ну ее тоже можно понять, ей, наверное, нужен не столько удобный человек, сколько живой, любящий. Чтобы цветы приносил, внимание какое-никакое оказывал. Разговаривал

бы хоть иногда. Маме ведь и сорока еще нет. Папе, впрочем, тоже.

Марине приснилась Аня. Во сне Марина пыталась рассказать ей обо всем, что с ней произошло, но почему-то у нее ничего не выходило. Аня просто не хотела ей верить. На все Маринины объяснения Аня только качала головой и повторяла: «Нет, Марина, нет, ты же умная, интеллигентная девочка, кроме того, ты моя подруга, да я просто тебя слишком хорошо знаю, чтобы поверить, что ты да вдруг оказалась в постели с первым встречным мужчиной! Да с какой бы стати ты вообще поехала к нему на ночь глядя? Да еще и одна? Нет-нет, ты наверняка это все просто выдумала, многие девочки нашего возраста увлекаются подобными фантазиями. Вот только не могу понять, тебе-то это зачем? Неужто больше думать не о чем?» – «Да нет же!» – доказывала во сне Марина, чувствуя, однако, что доказать ничего невозможно и остается только повторять безнадежно, что все это было, было, было, было со мной на самом деле. «Нет, Марина, признайся, что ты все это выдумала! Ты выдумала это просто мне назло, ты же знаешь, как я ненавижу подобные гадости. Ты, наверное, просто позавидовала, что меня послали в Америку, а тебя нет, вот и плетешь невесть что от зависти!» С отчаяния Марина начала задыхаться. Почему, почему ей Аня не верит? Будто она разговаривает не с Аней, а с каменной стеной.

Марина вытерла пот со лба. Уф, слава богу, это был толь-

ко сон! Лежать на полу было неудобно, вот и приснилась такая дрянь. Нет, пора, пора переходить на кровать! Аня, которая не верит ей, Марине, которая, хуже того, Марину не понимает, и ведь не потому, что не может – даже во сне Марина была уверена, что Аня может все, – а просто не хочет понять! Есть такие вещи, которых Аня не хочет понимать, ей просто не хочется до них опускаться.

Интересно, как-то они встретятся через полгода? Тут один только день прошел, а сколько всего случилось!

Марина встала и пошла на кухню. Только сейчас она поняла, как же ей хочется есть. Мама не было – спит, наверное, уже. В душе опять шевельнулся стыд: мама, бедная, всю ночь из-за нее не спала!

Марина взяла хлеб, достала из холодильника масло, лениво намазала бутерброд. Вчера вроде оставалась еще колбаса? Наверное, уже съели. В холодильнике стояла кастрюлька с супом и мисочка с котлетами, но неохота было разогревать. Чайник, что ли, поставить? Заварки, правда, почти уже не осталось.

«А завтра ведь придется идти в школу, – вдруг сообразила Марина, – так надо бы кому-нибудь позвонить, спросить, что задано». Марина отправилась к себе, достала из покрывшегося за два дня пылью портфеля дневник и ручку и пошла к телефону. Но не успела она руку протянуть к трубке, как телефон зазвонил.

– Алло! – сказала Марина, и у нее бешено заколотилось

сердце.

– Алло! – сказал в трубке знакомый голос. – Марина, здравствуй, это я.

– Ты, – сказала Марина и почувствовала, как на щеках закипают слезы. Он любит ее, он ей позвонил! Это было прямо как чудо!

Они договорились о встрече прямо на следующий день и поначалу виделись довольно-таки регулярно.

Хотя Валерьян, как уже говорилось, был человек занятой: он и работал, и учился, и даже по гостям ходил, как казалось Марине, словно бы по какому-то обязательному графику.

– Завтра?

– Ах нет, завтра я не смогу, я завтра еду в гости. Нет-нет, отложить никак невозможно, и до конца недели я уже не вернусь. Видишь ли, эти люди живут за городом, и электрички там ходят как-то по-дурацки, но я, как вернусь, сразу же тебе позвоню. Так что, мышь, не вешай носа, лады?

Он так и звал ее мышью, прямо с первого дня. Она уже даже привыкла, хотя поначалу ее и коробило – какая Марина мышь, вон какая высокая, мама ей до плеча.

Правда, мама у Марины была совсем маленькая – метр пятьдесят, не больше, но зато очень красивая: с огромными голубыми глазами и толстенной, вечно растрепанной длинной черной косой. Коса была тяжелая, поэтому мама почти никогда ее не закалывала и не укладывала ни в какие прически и все равно жаловалась, что от этой проклятой косы у нее болит голова. Почти каждый день мама грозилась эту косу отрезать или хотя бы уполовинить, Марине приходилось чуть ли не со слезами уговаривать маму не совершать такого

кошунства. У самой Марины была тоже, в общем-то, ничего себе коса, смотрелась вполне прилично, особенно на фоне почти поголовного нынче бескосья. Но куда ей было до маминой! И такую красоту резать?!

Со стороны казалось, что втиснуть в плотное Валерьяново расписание еще хоть что-нибудь, а тем более регулярные встречи с девушкой, попросту невозможно. На самом же деле все устраивалось на диво просто.

Представьте себе это плотное Валерьяново расписание нанесенным на лист ватмана, вроде тех расписаний, что вывешивают в коридорах школ или институтов. Ватманский лист расчерчен на клеточки, к каждой клеточке аккуратно приклеен прозрачный кармашек. Над кармашком, к примеру, написано: «Понедельник». В кармашке лежит беленькая карточка, на ней обозначено: «Лекции в институте с 18 до 22». Так. Теперь эту карточку аккуратненько вынимаем и помещаем вместо нее другую, с лаконичной надписью: «Марина». Теперь берем, скажем, следующую карточку: «Вторник, рабочее дежурство». Так, хорошо. Ставим вместо нее: «Прогул по болезни. Не забыть взять в психдиспансере бюллетень». И внизу, буквами покрупнее, уже знакомое нам: «Марина». Видите, как все просто?

Дома к Марининым ночным отлучкам скоро привыкли, и уже не надо было врать про подружек или про полуночные подготовки к семинарам для несуществующих факультативов. Просто как-то вечером Валерьян, позвонив, наткнулся

на маму и провел с ней что-то вроде разъяснительной работы, в ходе которой мама принуждена была согласиться с тем очевидным фактом, что ее Марина уже взрослая девочка. На фоне вполне приличной учебы и ясной видимости подготовки к институту все выглядело не так уж страшно, бывает и хуже. Папа же – вот действительно удобный человек! – вообще, похоже, не замечал, дома Марина или нет, не говоря уж о таких прозаических вещах, как день сейчас или ночь.

Окончательно вопрос о том, любят ли они с Валерьяном друг друга или нет, так и не был ею решен. То Марине казалось так, то эдак, и в конце концов она почти совсем перестала ломать над этим голову. Ведь все складывалось пока так хорошо, что лучше, может быть, и совсем не бывает. С другой стороны, например, Маринина мама: замужем, а ведь невооруженным глазом видно, насколько ей плохо. С работы она давным-давно уволилась, потому что денег там почти не платили, и теперь вот бродит день-деньской из угла в угол по квартире, вроде не одна, а по сути – не с кем словом перемолвиться.

Марину же с утра до вечера переполняло удивительное, неизвестно откуда взявшееся чувство счастья. По утрам ей пелось, она так и заливалась соловушкой, от одного просто взгляда на солнышко за окном, на суету облаков, с трудом протискивающих пухлые, золотистые от солнца тела между антеннами на бесконечных московских крышах; на птиц, весело прыгающих по карнизам и с веточки на веточку по чах-

лым московским тополям и липам; на радужные нефтяные блики в сверкающих на солнце лужах, искрящихся, словно огромные драгоценные камни на серой морщинистой груди асфальта.

Через этот почти сплошь залитый асфальтом двор Мари-на бегала по утрам в школу, во все стороны излучая переполнявшую ее радость. И все у Марины выходило хорошо и удачно, и на душе у нее было ясно и празднично, и все люди вокруг ей улыбались, словно им всем было приятно на нее смотреть.

Обыкновенно, встретившись в шестом часу вечера на Китай-городе, то есть примерно посередине между его домом и ее, Валерьян с Мариной шли прошвырнуться по старой Москве, где оба они когда-то выросли и по которой у обоих теперь было что-то вроде ностальгии.

Маринин прежний дом стоял на Арбате. С ним ничего не случилось, просто бывшие коммунальные квартиры стали теперь частными и в них обитали шикарные новые русские. Старый дом был заново отремонтирован и сиял свежей краской, а крыша на солнце сверкала, точно серебряная.

Валерьянову дому повезло куда меньше. В нем уже который год (по словам Валерьяна, по крайней мере седьмой) шел капитальный ремонт. Фактически от него остались одни внешние стены. Внутренние перекрытия были разрушены, и квартиры, где когда-то жил маленький Валерьян, не существовало больше в природе.

В этой квартире Валерьян жил вместе все с той же бабушкой, которой принадлежали тогда целых две комнаты в большой, попросту необъятной коммуналке.

— Понимаешь, я даже не знал никогда, сколько там вообще комнат и кто в них живет. Это было просто... ну, как небольшой городок какой-то, честное слово! Я там по коридорам на велике гонял целыми днями и ни разу даже ни на

кого не наехал, представляешь?

– Не представляю! – Марина смеялась. – В нашей квартире было всего-навсего пять комнат, и в каждой жила семья с детьми. Мы там играли все вместе на кухне, просто как сестры и братья, ни дать ни взять одна большая семья. Так было здорово! Взрослые ссорились, конечно, но я этого ничего не помню, нас это не касалось. Сейчас, впрочем, все это уже как далекий сон. Когда мы переехали, мне было пять лет, даже немножко меньше – день рождения уже в новой квартире справляли.

– Не, я в ту квартиру, в которой сейчас живу, только в школе окончательно перебрался. Бывал в ней, правда, часто – там тогда родители мои жили, при них, конечно, все было не так, как сейчас. Считалось, между прочим, что и я там тоже живу, но на самом деле до школы я пасся в основном у бабушки. Зато родителей я в ту пору обожал – страсть! Прямо как высшие существа они для меня какие-то были. Бабка-то что, бабка – она бабка и есть, вроде как всегда под рукой. «Валечка, супчик, Валечка, апельсинчик, Валечка, не балуйся», ну, в крайнем случае, «Валька, дрянь такая. Опять очки мои схватил, а ну отдавай шас же, а то я тебя ремнем!» – Последние слова Валерьян произнес так грозно, что Марина даже вздрогнула, после чего они оба, конечно, рассмеялись.

Они вообще много вместе смеялись, особенно поначалу. Все-то им казалось смешно: «Ой, смотри, воробей!» – «Ой, кошка какая, смотри, с дерева слезть не может!» – «Ой, смот-

ри, какой у этой тетки смешной парик, ой, не могу, да он еще и набок съехал!»

– Потом-то я на родителей насмотрелся, – продолжал Валерьян. – За пять-то лет, уж будьте покойны! Такого навиделся – по гроб жизни хватит.

– Так ты что, их совсем не любил? – осторожно поинтересовалась Марина, недоумевая, почему же он тогда вспоминал об их смерти с такой печалью. Если все было так, как он сейчас рассказывает, отчего же он тогда так расчувствовался?

– Зря ты так думаешь. Нет, я их любил и когда мы вместе жили, я и сейчас их, наверное, люблю, хотя немного странно любить того, кто уже умер. Просто, когда я у бабушки жил, они для меня были... ну просто как божества какие-то, а когда вместе с ними поселился – ну, тогда я их просто любил, как живых людей любят. Понял, что и они тоже не идеальны. Тебе понятно?

– Да, конечно, что ж тут непонятного? Валь, а расскажи, пожалуйста, ну, если тебе, конечно, не слишком тяжело будет вспоминать, ты как жил, когда без них остался? Бабушка тогда сразу к тебе переехала? Она тогда, наверное, еще не такая была, как сейчас?

– Если бы! Она такая уже лет десять! Другое дело, что без нее мне квартиру бы не оставили, мне ж тогда только двенадцать лет было, да и самого меня, скорее всего, в детдом бы наладили. А так с внешней стороны все выглядело вполне

прилично: мальчик с бабушкой живет, хотя на самом-то деле я, конечно, один был.

– Но как же ты выжил, еще и школу закончил?

– Не знаю. Как автомат. Я поначалу в таком шоке пребывал! Знаешь, с одной стороны, ты один, никто о тебе никак не заботится; с другой стороны – все искренне ждут от тебя, что ты будешь точно таким же мальчиком, как и раньше, то есть исправно будешь посещать школу, делать уроки, аккуратно одеваться и вести себя как положено. Причем все они тебе вроде бы сочувствуют, ну как же, такое горе у мальчика! Но стоит тебе хоть в чем-нибудь оступиться, как все сразу: «Ах, хулиган, как тебе не стыдно, такой был раньше приличный мальчик, да что ж это с тобой стряслось?» Мне иной раз казалось, они и вправду не понимают – что.

– Как же ты выжил? – снова повторила Марина.

– Я ж говорю тебе – как автомат. Это же все-таки не сразу произошло, во всяком случае не все сразу. Было все же время приспособиться. Сначала они просто уехали, наоставляли мне всяких ЦУ: «Валя, ты же большой мальчик, ты должен заботиться о бабушке, а не она о тебе! Выноси регулярно мусор, вари на ужин картошку, деньги все сразу не трать, рубашку в школу надевай всегда чистую, глаженую, стиральная машина включается так-то. Утюг на холодильнике». Я ведь и всегда довольно самостоятельным был, они у меня вечно то на работе, то еще где-нибудь. Я им еще и ужин обычно готовил, картошку ту же, к примеру.

Ну а потом, когда они уже в больнице лежали, отдельное дело было их навещать. Бабуле на работе выдавали ихнюю зарплату, а я после школы по рынкам да магазинам мотался, витамины им добывал. Овощи всякие, фрукты, икру красную. Соки им варил под конец, когда они уже больше ничего не могли. Так что, когда они умерли, мне поначалу вроде как даже легче стало. До меня и дошло-то не сразу, что их уже нет, так я за тот год умотался. Учиться совершенно почти не успевал. Двоек, конечно, нахватал – страсть! Чудом на второй год не остался. По одной литературе пятерки у меня были. Ее у нас классрук вел. Во был человек! Он-то меня и спас потом. А то я и сам ходил, как будто уже мертвый. Навроде зомби, ей-богу! Мыслей и чувств никаких. Общаться не мог ни с кем. Мне что-нибудь говорят – я молчу. Если слишком пристанут, могу в ржу двинуть. Никак не понимал, зачем я должен с ними со всеми разговаривать?

– А как же у тебя все это прошло?

– Ну, что-то прошло, что-то на всю жизнь осталось... Я только тогда малость оттаивать начал, когда в другую школу перешел. Там всё как-то сразу иначе пошло. Ребята были совсем другие, друзья у меня наконец появились. Мне классрук присоветовал туда перейти. «Иди, – говорит, – Валя, в ту школу, твое, – говорит, – спасение в серьезной учебе, голова, мол, у тебя хорошая, а остальное все приложится».

А я что? Я пришел на собеседование, они говорят: «Молодой человек, расскажите нам, что вы любите читать?» «Да

вы что, – говорю, – я читать вообще не люблю, у меня на это и времени-то нет!» Они усмеваются, думают, верно: «Во debil-то пришел!» «Ну, – говорят, – ладно, оставьте пока документы, поглядим, как вы сочинение напишете». Валерьян злорадно ухмыльнулся: «А после сочинения-то они меня сразу взяли. Такой, – говорят, – у вас слог необычный, мысли такие оригинальные, чуть ли не самое интересное на весь поток сочинение! Конечно, вы, – говорят, – пошутили, что читать не любите? Ну, откройте же нам, кто ваш любимый автор?» «Пушкин», – говорю. «Ах, – говорят, – какой интересный юноша! Это надо же – Пушкин!» Валерьян захотел, потом слегка озадаченно посмотрел на Марину. Она не смеялась. «Ты все поняла? Я ж просто так сказал – Пушкин. Ляпнул, чтобы отвязались, а они подумали – вправду».

– Валерьян, – медленно, задумчиво проговорила Марина, – а ты на самом деле любишь Пушкина?

– Не знаю. – Валерьян задумался. – Как сказать... Люблю, наверное... «Медный всадник» вот, например. Очень даже здорово. А ты, Марина? Ты как, любишь Пушкина?

– Да. Мне его мама в детстве много читала, потом уже я сама. Я в школе за него всю дорогу двойки получала, никак не могла писать про него то, что задано.

– Нет, со школой мне в этом смысле повезло. В школе они у нас оригинальное мышление очень даже приветствовали. Зато вот сейчас, в Универе... О, черт! – Валерьян споткнулся и чуть не упал. Лицо его болезненно искривилось. – Тьфу

ты, еще и на больную ногу!

– А что у тебя с ногой-то? – рискнула спросить Марина.

– Да вот, с лошади упал неудачно.

– С лошади... – протянула она с уважением.

Они шли по Чистопрудному бульвару, скользя глазами по чистейшей, зеркальной поверхности пруда, в которой яснее ясного отражались старинные дома, стоящие на той стороне улицы. Но вот пруд кончился, и взгляд их точно натолкнулся на невидимую преграду. Впереди была какая-то неправильность, незавершенность.

– Марина! – догадался наконец Валерьян. – А куда же «Джанг»-то делся? Еще с неделю назад я тут проходил – стоял себе.

– Снесли! – ахнула Марина.

– Господи, полжизни у меня там прошло! Чуть ли не каждый день после школы забегали. Какие люди здесь тусовались!

Марина молчала: у нее с рестораном «Джалтаранг» ничего такого интересного связано не было. Просто стоял себе дом и стоял. Всю жизнь стоял, а теперь вот нету.

– Тебе письмо от Ани, – сказала мама в тот день, когда Марина вернулась домой. Валька в тот вечер куда-то уезжал, и потому они не поехали, как бывало, к нему ночевать, а наоборот, Марина вернулась домой, и довольно рано, часов в одиннадцать, что ли.

Несмотря на все свои события, Марина нетерпеливо схватила письмо, тут же на месте его распечатала и почувствовала глубокое разочарование. Аня писала, что Америка себе как Америка: статуя Свободы стоит как стояла, что проходят здесь то, что в Москве они давным-давно прошли, что с языком, как и предполагалось, никаких у нее проблем нет и что время они проводят довольно весело, хотя на первый взгляд и диковато. Вчера, например, было party, так половина народу по такому случаю выкрасила себе волосы в зеленый цвет, а другая половина – в фиолетовый, а потом один парень на спор пять золотых рыбок из аквариума живьем заглотнул и потом ко всем приставал с рассказами, что он, мол, чувствует, как они там плещутся у него в желудке. Письмо пестрело незнакомыми Марине, но вообще-то вполне понятными английскими оборотами и в целом выглядело как-то скучно и ненатурально. Совсем не в обычном Анином стиле. Создавалось впечатление, что Аня чего-то недоговаривает, даже, может быть, что-то скрывает, что-то очень важное для нее,

потому она и пишет, чтоб случайно не проговориться, про всякую ерунду.

Марина отложила письмо в сторону, зевнула и принялась за уроки. Предстояло еще перевероршить гору книг. Фунтик удобно устроился у нее на ноге, и время от времени она легонько поглаживала его по голове большим пальцем.

И тут как-то вдруг неожиданно наступила зима – злая, холодная и абсолютно бесснежная. Марине приходилось прятать руки глубоко в рукава – перчатки у нее почему-то все время терялись, ежиться и горбиться, а передвигаться по возможности перебежками – то короткими, то длинными, в зависимости от количества набранного в легкие воздуха. И все-таки мерзла она ужасно. Марине было холодно, холодно и еще раз холодно. К тому же и Валерьян в последнее время почти перестал звонить. А Марине его так не хватало! Она пробовала звонить сама, но никто почему-то не подходил. Наверное, Валерьян куда-то уехал, а бабушка не слышала телефона.

По утрам Марина уходила в школу, днем возвращалась, учила уроки, уроков бывало много, и ей еще приходилось зубрить билеты к письменным экзаменам. Маме по дому она тоже вдруг принялась помогать – мыла полы, со сдержанной яростью колотя по ним шваброй, вытирала пыль, нещадно роня всякие безделушки, которые почему-то при этом совсем не всегда разбивались. Впрочем, что ж тут странного? На полу ведь у них лежал ковер.

А в свободные часы Марина бесцельно бродила по дому, выискивала пятый угол, и без конца спрашивала себя, что, что, собственно, такого произошло. Ведь, став женщиной,

Марина ни в чем особенно не переменялась, ни внутренне, ни тем более внешне. Изменился разве что размер лифчика, да и то это произошло совсем недавно – недели, может, полторы-две назад. И примерно тогда же ее любимые, особо узкие джинсы неожиданно оказались ей особо узки. «Толстею что-то», – подумала тогда Марина, мысленно поперебирала диеты, ни на одной как-то не остановилась и махнула на это рукой.

Прошел еще по крайней мере месяц, прежде чем в голову ей пришла, наконец, мысль о наиболее естественной причине всех этих перемен. Почему-то такая возможность ни разу не приходила ей в голову. С кем угодно, казалось, могло такое случиться, только не с ней. А почему, собственно? Цикл-то у нее всегда был с выкрутасами, наверное, просто не установился еще, и потому такая даже вещь, как пропуск целого месяца, не показалась чем-то из ряда вон выходящим. Однако теперь, сложив два и два и получив соответственно, Марина уныло покачала головой и отправилась в женскую консультацию.

Врач с ее участка повышал квалификацию на каких-то курсах, но акушерка, ведущая вместо него прием, немедленно и с готовностью подтвердила Маринины опасения и от себя добавила, что времени на принятие каких-либо решений у Марины почти нет – от силы недели три и не больше. «Что ж так поздно спохватилась, милочка?» Еще акушерка сказала, что в таких случаях положено извещать родителей, раз

Марина несовершеннолетняя, но поскольку врача нет, сама она этого делать не будет, а вот как врач вернется, так он сам и позвонит.

Общее чувство тоски и какого-то отупения, не покидавшее Марину весь последний месяц, не покинуло ее и теперь, после сделанного открытия. Однако надо же было и в самом деле что-то решать!

В таком вот именно настроении ехала Марина в гости к неожиданно – будто что почуял, гад! – вызволившему ее Валерьяну. Почти весь этот месяц он ей не звонил – ну правильно, он ведь и всегда был человек занятой.

Подойдя к Валерьяновой двери, Марина храбро нажала кнопку звонка. Она-то уж имела на это право! Так ей, по крайней мере, казалось.

Однако дверь открыли далеко не сразу. Марина успела нажать на кнопку по крайней мере трижды, пока наконец не щелкнул замок и на пороге не появился заспанный Валерьян. Взгляд, которым он уставился на Марину, был полон недоумения. Он словно бы гадал про себя: «И как это она тут оказалась?»

– А, черт, это ты, – произнес он наконец и запоздало улыбнулся. Улыбка вышла кривая какая-то и неловкая.

– Валь, в чем дело, ты же сам звонил, – совершенно растерявшись, сказала Марина.

– Звонил? Кто звонил? Я звонил? – Он как бы не до конца еще проснулся. – А, да, конечно, звонил. – Тут уж он окончательно пришел в себя и вежливо отошел в сторону, пропуская Марину в квартиру. – Тс-с, – прошептал он, когда они шли по коридору, – бабушка спит.

Марина очень удивилась: бабушка ведь не то что во сне, она и наяву-то почти никогда ничего не слышала, – но благо разумно промолчала. Представляю, как бы Марина удивилась, узнав, что бабушки в квартире сегодня вообще нет. Была Родительская суббота, и бабушка поехала на кладбище,

поминать родителей Валерьяна.

Молча, на цыпочках прошли они к нему в комнату, и Валерьян жестом указал Марине на неубранную кровать. Сам он тут же вышел.

Через пару минут Валерьян вернулся, неся на подносе чашки с кофе. Кофе в них был совсем остывший, подернутый жирной пленкой и почти без сахара. Они молча пригубили каждый свою чашку, после чего Валерьян закурил.

– Ну, – сказал он, выпуская первое кольцо, – как там у тебя дела? – Похоже было, что он в принципе не представляет, о чем ему с ней разговаривать.

– Да вот беременна я, – немедленно выпалила Марина и тут же смолкла, ошеломленная собственной прямоотой.

Валерьян так и застыл с сигаретой в руках, которая тут же погасла, но он этого даже не заметил.

– Ты... – проговорил он наконец, с трудом, видимо, сообщая, – ты это всерьез?

– Да уж куда серьезней, – фыркнула Марина, сразу ошестиниваясь. – Справку, что ли, из консультации показать?

– А... Вообще-то покажи, – неожиданно заинтересовался Валерьян.

Маринина душа с размаху ухнула в пятки – справки-то у нее никакой не было. Однако для виду она весьма деловито порылась в сумочке и поийкала огорченно: «Ой, кажется, забыла!»

– Но ты хоть вправду беременна? – уже с откровенной

усмешкой спросил Валерьян, делая попытку снова поджечь сигарету, не с того, правда, конца. Опомнившись, он досадливо отшвырнул сигарету в пепельницу и в упор посмотрел на Марину. – Ну так как?

– Да! – выкрикнула Марина, у которой все, все складывалось не так, как она задумала, и оттого в голосе ее явно проступили слезы.

Слезы эти подействовали на Валерьяна. Он встал, подошел к Марине, сначала заглянул в глаза, потом в глаза поцеловал, сперва в один глаз, потом в другой, потом снова в них заглянул и тихо, с неожиданной нежностью переспросил:

– Но сама-то ты хоть уверена?

– Да. – На сей раз «да» прозвучало тихо и обреченно.

– Так, – сказал Валерьян, ласково проведя рукой по Маринину плечу и усаживаясь обратно в кресло. Сигарету он в этот раз зажег совершенно правильно. – И аборта ты, как я понимаю, делать не хочешь?

– Не хочу, – согласилась Марина, со всей обреченностью вдруг понимая, что, по-видимому, делать все-таки придется.

– И не надо! – обрадовался вдруг Валерьян. – М-да. Вот не думал не гадал. Будет, значит, у нас новый крольчонок. Да, а как же теперь все это обделать-то? Тебе же еще и восемнадцати нет?

– Нет, – недоуменно подтвердила Марина, дивясь, что раньше его это как-то не особенно интересовало.

– А когда будет?

– Ну... Во всяком случае, ребенок раньше родится, – ответила Марина, с трепетом осознавая каждое произносимое ею слово: ребенок... родится... раньше... Раньше, чем что?

– Тогда... – вслух продолжал размышлять Валерьян, – тогда придется на тебе жениться.

– Ты хочешь на мне жениться?! – изумилась Марина.

– Я? Нет, что ты, – отмахнулся от нее Валерьян, вконец ушедший в свои расчеты. – Я не могу.

– Почему?

– Видишь ли, мышь, я ведь как бы уже женат.

– Ты? Женат? – с трудом выговорила она, холодея.

– Ну да, – досадливо проговорил он. – Да сейчас не в этом дело! Женятся на тебе, женятся, не бойсь, вот только кто? Ага, нашел, кажись, – и Валерьян решительно потянулся к телефону. – Серый, алло, привет то есть. Валька беспокоит. Слушай, ты как насчет того, чтобы жениться?

Марина смотрела на Валерьяна не мигая, как в телевизор.

– Да нет, не шучу. На ком, говоришь? Да есть тут одна. Красивая? – Валерьян скосил глаза на Марину и оценивающе оглядел ее с ног до головы. – Да вроде ничего, – нерешительно произнес он в трубку. – Да ты сам подъезжай, тогда и увидишь. Что, к зачету готовишься? Эх вы, технари, вечно у вас какие-то зачеты-фиготы! Ну хорошо, а когда? Завтра, значит. Часиков в пять... в пять хорошо. С копейками? Ну ладно, лишь бы не с рублями, а то мне к семи на дежурство. Ну, есть. Вам того же, тем же самым по тому же месту. – И

Валерьян бросил трубку на рычаг. Он посмотрел на Марину. Ее слегка трясло. Валерьян пересел к ней на кушетку, крепко обнял, зашептал жарко в самое ее трясущееся под его губами, холодное, как у зайца, ухо: – Ну, мышь, ну хватит, успокойся, ну чего ты, все будет путем, мышь, – и вдруг неожиданно принялся целовать, исступленно, как никогда, в губы, в шею, в уши, в глаза. – Это же все глупости, мышь, это же все бредятина, и не важно, и... – Он вдруг обхватил обеими руками ее голову и, глядя прямо в глаза, произнес неожиданно: – Мышь, ты, конечно, мне сейчас не поверишь, но... Ты просто представить себе не можешь, как я счастлив.

Вот теперь Марина совсем ничего не понимала. Все у нее, у бедняги, в голове спуталось и перемешалось. Она-то думала, что теперь-то уж они наверняка лягут в постель, однако не тут-то было. Валерьян вдруг резко встал, аккуратно загасил в пепельнице сигарету и сказал, приподнимая Марину за плечи:

– Пойдем, провожу тебя. Значит, завтра в пять, поняла? И не опаздывай, а то мне на дежурство. И держись, мышь, теперь все будет хорошо, слово тебе даю, слышишь? – И уже сам себе, недоверчиво: – Нет, ну надо же... Кто бы мог подумать!

В коридоре Валерьян опять приложил палец к губам:

– Тише, там у меня человек спит.

«Человек? – изумилась про себя Марина. – Значит, не бабушка?» – Но вслух ничего не сказала.

На следующий день ровно в пять Марина уже сидела на знакомой читателю кушетке и яростно теребила за кисточки как всегда пыльный зеленый плед. Валерьян со своей стороны столика нервно курил. В пять пятнадцать в дверь позвонили. Валерьян швырнул сигарету прямо в стоявшую перед ним чашку с недопитым кофе и рванул открывать.

Вернулся он с невысоким стройным пареньком примерно одних с Валерьяном лет. У паренька были длинные – до плеч – светлые волосы и темно-карие глаза – сочетание довольно необычное, а больше Марина ничего в тот раз не заметила – не до того как-то было, настолько сразу они по уши ушли в технические детали.

– Справку принесла? – сразу спросил Валерьян.

– Да, – слегка волнуясь, ответила Марина, выкладывая на кофейный столик требуемый документ.

– Так, десять недель, ого, не слабо. Значит, завтра вы идете подавать заявление. О, черт, тебе же еще от родителей разрешение надо. А его где заверяют, Серень, ты, случаем, не знаешь?

– Откуда? – изумился паренек, не без изящества вскидывая светлые бровки.

– Слушайте, а может, мне просто маму с собой взять? – неожиданно влезла Марина.

– Дело. Так, значит, и сделаешь. Значит, идете вы туда завтра вдвоем, тьфу, извини, втроем, с твоей мамой то есть, и подаете заявление. И чтоб как только, так сразу. Серег, ты им там объясни, что вам тянуть нельзя.

– Да ведь и так все ясно. С такой справкой куда уж дальше тянуть.

– Ну, ребята, не подведите меня, хорошо? – Валерьян был сам на себя не похож.

– Да ладно тебе, – успокаивающе произнес Сережа. – Сказал – сделаю, значит – все. – И, уже оборачиваясь к Марине: – А вы, значит, Марина. В школе учитесь?

– Да, в восемнадцатой.

– Что? – Оба, как по команде, уставились на нее. – В восемнадцатой английской? В американской то есть?

– Ну да.

– Вот это да, – сказал Сережа. – Первый раз вижу живого человека из этой школы. Вот это да. А правда, что у вас практики в Америке каждый год бывают?

– Ну, про каждый год – это преувеличение, но за одиннадцать лет аж три практики у нас там было. Одна – две недели, другие две – по три. Ну, еще бывает, что отличников по обмену посылают, – и Марина тяжело вздохнула.

– И где вы были?

– Ну, разное. В первый раз – в Нью-Йорке только, второй – еще в Лос-Анджелесе, последний раз в Бостон возили.

– Да? Ну и как там? – И они оживленно заговорили об

Америке, начисто забыв об изначальной причине встречи.

Часа через полтора Сергей заторопился уходить. Валерьян, взглянув на часы, зачертыхался, но Сергей все-таки вышел первым, точнее сказать, он вышел как бы сразу – вот сказал: «Ой, мне пора!» – и вот уже исчез. Но перед тем как исчезать, он все-таки уточнил:

– Марина, так, значит, завтра на Киевской в два. Там ведь с часу до двух перерыв, а с утра у меня лекции.

– Да, а у меня уроки, – крикнула Марина в ответ, но уже в пустоту.

Зато с Валерьяном они вышли вместе.

– Слушай, – сказал он в лифте, внимательно разглядывая ее, – а ты почему никогда ничего не рассказывала?

– О чем? – искренне изумилась Марина.

– Ну о школе, там, об Америке.

– Так ты ж не спрашивал никогда. – Марина рассмеялась. – А сам-то ты в какой школе учился?

– В двести пятнадцатой.

– У Эмиля? В литературной то есть? – заинтересовалась Марина.

– Ага. Да я же тебе рассказывал. Да ничего интересного. Ни тебе Америки, ни даже Англии. Одни семинары да лекции, муть всякая. Другое дело, ребята у нас хорошие были – это да.

– Так уж и муть, – усомнилась Марина. – А все почему-то вашу школу хвалят. Из нашего класса даже перешли к вам

два человека.

– Ну кое-что интересное есть, конечно, – признал Валерьян. – Да и самого Эмиля со счетов сбрасывать нельзя – он, конечно, личность.

– Вот видишь! – Марина улыбнулась.

– Слушай, – уже выходя из подъезда и собираясь поворачивать в сторону, противоположную той, в которую надо было Марине, снова заговорил Валерьян, – а ты смогла бы учить детей?

– Детей? Каких детей? Чему учить? – растерялась Марина.

– Английскому, конечно, – как маленькой, разъяснил Валерьян. – Ты же его, наверное, хорошо знаешь. – И, видя, что до Марины все равно не доходит, быстро прикоснулся на прощанье к ее руке. – Ну, не бери в голову, там увидим. Будь. И не забудь, пожалуйста, про завтра. Это очень важно!

– Еще бы! – И Марина весело зашагала к метро. Беременность почему-то ее сейчас совсем не пугала.

Часть вторая

1

Летела, летела, как птица-тройка, куда-то вдаль по занесенному снегом пути переполненная вечерняя электричка. Марина сидела у окна, Валерьян сидел напротив и держал ее ладони в своих, одетых в теплые кожаные перчатки. Маринины ладошки, красноватые и покрытые цыпками, уютно устроились в этом теплом кожаном гнездышке, а вот сердечко ее трепетало. Куда, куда только ее везут?

Валерьян сказал, что к хорошим людям. Сказал, что она сама все увидит. Сказал, что потом ей все объяснит. (В двух последних замечаниях сквозило явное противоречие.) Похоже было, что он и сам безумно волнуется.

С заявлением в загс все прошло как нельзя лучше. Мама, конечно, поахала, не без того, но ничего, пошла с ними и написала там, чего следует. Сложнее было объяснить ей, что никакой такой настоящей свадьбы у Марины не будет, но тут уж Марина стояла как камень: нет – и все. Пускай ее родственнички собираются по каким-нибудь другим поводам! С Марины хватит и того, что ей самой придется участвовать в этом фарсе, но уж чтобы на это смотрел кто-нибудь посторонний! Марина бы и маму с папой не пустила, если бы мог-

ла. Папа, впрочем, и сам, наверное, не пойдет, а мама... Да пускай ее постоит, Мендельсона послушает! В конце концов, много ли у нее, бедной, радостей в жизни? А сколько маме еще предстоит! И так уже заохала: «Ах, что теперь будет с инязом?» Да ничего теперь не будет с инязом, мама, как стоял, так и будет стоять, авось не обвалится, ох, да фиг с ним теперь, с инязом, и думать-то о нем теперь тошно, а Марину и так все время тошнит. Она сердито тряхнула головой, отгоняя дурные, пристающие мысли, и с любовью посмотрела на Валерьяна. Он ответил ей таким же любящим взглядом. Валерьян вообще был теперь с ней необычайно нежен, бережен, внимателен и заботлив. Даже что-то похожее на уважение светилось порой в его взоре, когда он смотрел на Марину. Но не сейчас. Сейчас он ее взглядом просто любил, и это было прекрасно.

Марина потянулась, сладко, по-кошачьи зевнула и капризно проговорила:

– Валь, а Валь!

– Ну чего тебе? – улыбаясь одними глазами, откликнулся Валерьян.

– Ну расскажи наконец, куда ты меня везешь?

– Ох, мышь, и как тебе объяснить? Домой я тебя везу. К своим, ясно?

– Ну-у...

– Да ясно, конечно, что ничего тебе не может быть ясно. Ну вот что, – решил Валерьян наконец, – слушай. Когда я

еще учился в школе, было у меня двое друзей: девочка Алена и парень один, Денисом его зовут. Дружили мы прямо с первого дня, как пришли в эту школу, даже сидели из принципа вдвоем на одной парте: Денис у стенки, я у прохода, а Алена посередине.

– А учителя чего?

– А учителя ничего. У нас вообще в школе в этом смысле анархия была полная – сиди где хочешь, хоть в проходе на полу, лишь бы уроку не мешал.

– И что, в самом деле кто-то сидел на полу?

– Да нет вроде бы. Я, во всяком случае, не помню. Слушай, тебе что, уже неинтересно, куда я тебя везу? Я тогда не буду рассказывать.

– Нет, что ты, мне ужасно, ужасно интересно! – испугалась Марина. – Рассказывай, пожалуйста, рассказывай, продолжай!

– Рассказывать, значит? Ну ладно, а то смотри... Так вот, дружили мы в восьмом классе, дружили в девятом, в десятом тоже дружили, а в середине одиннадцатого как-то вдруг оказалось, что Алена беременна.

– От тебя? – с наигранным равнодушием поинтересовалась Марина, в глубине души с трудом подавляя вспыхнувшую ревность.

– Нет, тогда это было точно от Дениса, я в ту пору ни о чем таком еще и не думал, тем более Алена для меня была... Да и теперь, в общем, есть... Ну, это так не объяснишь. Вот

ты, когда ее увидишь, сама поймешь.

– Ты ее любишь? – зажимая изо всех сил слезы в кулак, рискнула спросить Марина.

– Да, – ответил Валерьян, ни секунды не колеблясь.

Марина почувствовала, что в глазах у нее все-таки закипают слезы. Но ведь она же сама спросила! Марина задержала на секунду дыхание, усилием воли отправила слезы обратно и, переведя после этого дух, почти нормальным голосом спросила:

– А ты меня к ней везешь?

– Ага. А теперь слушай и не перебивай, а то совсем не буду рассказывать. Так вот. У Алениного папы – а у них там вообще сложная семейная ситуация, у папы Алениного была какая-то адова прорва жен, и мама ее живет сейчас с третьим, кажется, мужем, но, вообще-то, Алена всегда с отцом жила – он у нее мировой мужик, вот тоже увидишь, сейчас-то он, к сожалению, в отъезде, ну да ничего, еще проявится. Так вот, у Алениного папы дача есть – огромный такой домина, а комнат там столько, что... Ну, я даже не знаю сколько. И вот когда Алена в первый раз забеременела, она уехала на эту дачу и родила там Никиту, а мы с Денисом ездили к ней туда через день, таскали продукты, нянчились с Китом и всячески ей помогали, поддерживали, стало быть. А потом как-то вдруг вышло, что все наоборот, что вроде, скорее, это она нас поддерживает. – Валерьян вдруг остановился. – Ты слушаешь меня?

Марина молча кивнула.

– Ну так вот. И в конце концов как-то так оказалось, что именно там у нас теперь наш настоящий дом. Во всяком случае мой. Да и Дениса, по-моему, тоже. Хотя у него, в отличие от нас с Аленой, и папа с мамой нормальные, и вообще всякое такое. А потом еще Алена родила Соньку, ну это, знаешь, настоящее чудо, а не ребенок. Вот увидишь! Ей сейчас два с половиной года, и она... Ох, этого не опишешь, нет, я, конечно, Кита тоже очень люблю, но Сонька – это другое. Не знаю даже почему. Может быть потому, что девочка. А может потому, что она родилась, когда у нас с Аленой все уже по-другому было.

– А откуда у Алениного папы такая огромная дача? – любопытствовала Марина. – Он что, новый русский, что ли?

– Нет, этот дом у него давно, еще с до перестройки. Он писатель, ну в смысле, настоящий, в Союзе писателей был. Романы писал. Сысоев его фамилия, не читала?

– Нет, кажется. – Марина добросовестно попыталась припомнить.

– Ну как же, у него такие романы известные были! «Воля», потом эта, «Семья Русановых», и детская даже одна была книжка, «Маришкина заимка».

«Маришкину заимку» Марина в детстве читала, хотя сейчас уже ничего не смогла бы оттуда припомнить, кроме разве что того факта, что главная героиня была ее тезкой.

– Ну вот. Самая знаменитая у него «Воля». Роман, пони-

маешь, эпопея в пяти томах. – Валерьян, не удержавшись, хмыкнул. – За нее ему Ленинскую премию дали. На эти деньги Аленин папа сразу себе дом и отгрохал. Ух и дом! – опять оживился Валерьян. – Да что я тебе говорить буду, сама скоро увидишь.

– Туалет, небось, на улице? – язвительно поинтересовалась Марина.

– Вот и фиг попала! И туалет в доме, и даже ванная есть! – торжествующе сказал Валерьян.

– Это надо же, какое чудо! – протянула Марина все в том же тоне.

– Можно подумать, у тебя есть из чего выбирать! – вспылil наконец Валерьян, и оба они замолчали.

Помолчав, Марина спросила:

– Значит, мы сейчас едем к Алене?

– Да не к Алене мы едем, а ко мне, понимаешь, ко мне! – Валерьян окончательно рассердился. – Алена там теперь не одна живет!

– Понимаю, еще там, наверное, живет Денис.

– Да ничего ты не понимаешь! Там сейчас целая куча людей живет. Женька, например. Но тут так просто не расскажешь. Вот ты с ней познакомишься, и тогда уж она сама тебе про себя объяснит – кто она и откуда. Еще Илья у нас есть, он там, правда, не постоянно, ну как и я, впрочем. Вообще, знаешь, мужчины там – существа приходящие, хотя кто-нибудь всегда есть, девчонок мы одних на ночь не оставляем,

не город все ж таки. А так... – Глаза Валерьяна подернулись мечтательной дымкой. – Крольчатник там у нас. Место для женщин с детьми. У Алёны вот Кит с Сонькой, у Женьки – Димыч, да у всех кто-нибудь есть. Ну или будет. И знаешь, Марина, – сказал Валерьян неожиданно охрипшим от волнения голосом, каким он ни разу еще не говорил с нею. «Сейчас, – подумала Марина, холодея, вот сейчас он наконец-то скажет, что любит меня, и тогда... А то о чем еще можно говорить таким голосом и с такими глазами?»

Но Валерьян сказал совсем не это.

– Марина, – повторил он, теперь уже еле слышно, – ты себе просто не представляешь, ты не можешь себе представить, как мне важно, что теперь в нашем Крольчатнике будет наконец-то и мой, собственный мой крольчонок!

О! Это ведь было совсем не то, что она ожидала услышать. И все-таки это было такое то, какого Марина и вообразить себе никогда бы не смогла. Она вспыхнула, наскоро облизнула губы и, чтобы не дать себе – что? закричать? заплакать? – быстро, тоже чуть охрипшим голосом заговорила:

– Ну а кто еще там у вас есть? Ты же сказал – много народу?

Валерьян посмотрел на нее тоже чуть повлажневшими глазами, дернул кадыком, точно сглатывая комок в горле, однако все-таки собрался и продолжал:

– Ну еще у нас есть сестренка Олюшка. Она старше нас всех, ей двадцать пять лет, и у нее уже пятеро детей. Алек-

сандр Александрович – это Алениного папу так зовут – говорит, что она за всеми нами присматривает и что он ей больше всех нас доверяет. Вообще-то Сан Саныч мужик не промах, но тут-то он, похоже, именно вот дал маху. Из всех нас, по моему, Ольга самая сумасшедшая. Зато видела бы ты, как она детей рождает! Вот бы тебе у нее поучиться – я б тогда и за тебя, и за крольчонка своего во как был бы спокоен!

– А ты что, видел, как она рождает? – затаив дыхание, переспросила Марина.

– Еще бы! Роды в Крольчатнике – это, скажу я тебе, событие, кто ж такое пропустит.

– И я тоже... должна буду рожать при всех?! И на меня тоже будут все смотреть? – От ужаса глаза у Марины расширились, и Валерьян, посмотрев на нее, рассмеялся.

– Не бойся, мышь, если ты сама не захочешь, к тебе никто-никто не подойдет и никто-никто тебя не увидит. В конце концов, желание женщины – закон, особенно когда женщина рождает. Но, мышь, – он нежно привлек ее к себе и зашептал буквально в самое ухо: – Мне-то ты дашь посмотреть? Я ведь как-никак имею к этому отношение, ne c'est pas?

Марина покраснела так, как если бы он сделал ей какое-то откровенно дикое и непристойное предложение, например, взять в рот на глазах всего народа, прямо здесь, в этой электричке. На секунду Марине почудилось, что сейчас, слыша его слова, она переживает самый сладостный, самый полный в ее жизни экстаз. Она закрыла глаза и, уткнувшись пылаю-

щим лицом в грудь Валерьяна, то ли прошептала, то ли попросту выдохнула горячее-горячее «да». Валерьян же знакомым и бесконечно нежным движением приподнял за подбородок Маринино лицо и поцеловал так, как никогда еще не целовал никого.

– А потом мы разожжем камин, и тогда ты сразу увидишь, как у нас здорово. У нас такой камин! Сан Саныч сам сложил! Ну, печника, конечно, тоже звал, но тот только показывал, а так Саныч все сам, своими руками: и камин, и трубу, и кафель сверху. Решетку вот только не сам варил, врать не стану. Решетку Сан Саныч заказывал. Такая решетка – за-качаешься! На ней история любви Леды и лебедя. Знаешь, миф такой есть, древнегреческий.

Марина молча кивнула. Миф, значит. Ей, грешным делом, начинало уже казаться, что и вся эта дача – с кучей комнат и вот с камином – просто какой-то миф. Ну не бывает же такого в жизни, во всяком случае, в ее, Мариной жизни, не бывает, и все. И ведь вот они уже сколько идут и идут по снегу, темно уже совсем, а они все никак не придут никуда.

И вдруг Марина увидела свет, да не из одного окна, а явно из многих и многих окон, и откуда-то с той стороны до-неслись до Марины какие-то знакомые звуки – музыка? Да, точно. Полонез Огинского.

Они еще немного прошли и уткнулись в высокий, полностью скрывающий нижнюю половину светящихся окон забор. Музыка, однако, звучала все громче, все навязчивее.

– Пришли, – сказал Валерьян и зашарил по карманам.

«Интересно, кто там у них играет?» – подумала Марина.

Валерьян отпер врезанный в литые ворота замок, и они вошли. К ним навстречу с лаем бросился громадный лохматый пес.

– Ох! – Валерьян перехватил его на лету за ошейник. – Потихе ты, Русый, с ног собьешь! – И уже Марине: – Извини, наверное, надо было тебя предупредить?

– Ничего, – сказала Марина, с нежностью лаская огромную голову, с наслаждением запуская в пушистый мех озябшие за дорогу пальцы. – Я не боюсь собак. Его как зовут?

– Руслан. Это московская сторожевая.

– Да? А я думала – сенбернар. Очень уж у него будка массивная.

И снова Валерьян посмотрел на нее с уважением. Надо же – будка. Слова-то какие профессиональные. М-да. Похоже, крепко недооценивал он Марину.

И снова раздались звуки музыки.

– Кто это играет? – спросила Марина.

– Не знаю, – ответил Валерьян, – наверное, Оля. Сейчас посмотрим.

За массивными дубовыми дверьми оказалась небольшая квадратненькая прихожая с необъятных размеров вешалкой. Прямо из нее вырастала и уходила куда-то высоко вверх винтовая лестница. От лестницы шел коридор, все дальше, и конца его было не видно.

Валерьян помог Марине снять шубу, повесил ее на один крючок со своей, переобулся и, нагнувшись, не без труда

отыскал в длинном разношерстном строю подходящие на Марину тапочки.

Раздевшись и переобувшись, они пошли прямо на звуки музыки и довольно скоро оказались в огромной, обшитой деревянными панелями комнате. В центре ее стоял стол, в середине противоположной от двери стены высился камин, а у самого окна стоял небольшой белый кабинетный рояль.

За роялем сидела высокая рыжеволосая девушка с толстой серой крысой на плече. Хвост крысы раскачивался в такт звукам, льющимся из-под девушкиных пальцев. На сей раз это была «Аппассионата». Волосы девушки были перехвачены красивым фиолетово-черным хайратником, хвостик которого то и дело хлопал крысу по носу, поскольку девушка то низко склонялась к клавишам, то резко, неожиданно выпрямлялась.

– Привет сестренке Олюшке! – весело сказал Валерьян, и девушка, не переставая играть, повернула голову.

– О, Валька! А мы вас к обеду ждали! Я тебе кабачков напекла, как ты любишь, а ты...

– А мы вот только добрались, – без тени раскаяния отвечал Валерьян. – А где все?

– Детей пошли укладывать.

– А твои, конечно, как всегда, уже спят?

– Надеюсь. Но если что, уж Алена им не даст спуску. Присаживайтесь, сейчас, как все сбредутся, будем чай пить. А как там Москва?

– Да представляешь – стоит. Высотки только вчера все побвалились – шуму было! А прочие дома ничего.

– Твой в том числе?

– Мой дом тут, – тихо сказал Валерьян, и Марина заметила, что стоило им войти, как с лица его напрочь исчезло обычное угрюмое выражение, лоб разгладился, лохматые брови приподнялись, даже глаза как будто больше не косили, ноги не хромали, а на толстых губах воцарилась и никуда больше не девалась расслабленная такая полуулыбка. Марина в упор разглядывала это изменившееся лицо, дивясь всем этим превращениям. Валерьян, заметив ее взгляд, ласково подмигнул. Кончики его губ окончательно отползли к ушам.

Тем временем Оля снова склонилась над роялем. Лично Марине она не сказала ни слова, но Марина была ей за это даже благодарна. Марина была так ошеломлена окружающим ее великолепием, так напугана предстоящим знакомством с таким множеством людей, причем эти люди должны были, по-видимому, играть теперь в ее, Марининой, жизни какую-то очень важную роль. Из-за всего этого Марине казалось, что, чем медленнее и постепеннее будут происходить все эти знакомства, тем легче и безболезненней они пройдут.

А сейчас она молча издали рассматривала эту Олю, с которой Валерьян вел себя как с близким человеком, причем куда более близким, чем когда-либо была ему близка Марина.

Ревности, однако, не было, а только острое, диковатое лю-

бопытство.

В коридоре слышались шаги, и Ольга вышла из-за фортепиано. Только теперь Марина разглядела ее всю. Ольга действительно была очень высокой – на голову выше Валерьяна, в то время как Марина едва доставала ему до плеча. На Ольге была длинная свободная серо-зеленая юбка и мужской серый грубой вязки свитер – размера на два больше, чем нужно. На шее у нее были длинные – в два ряда и почти до пояса – бусы из яблочных косточек. Марина в который уже в этой жизни раз отметила для себя, как это потрясно – бусы из яблочных косточек.

Ольга поймала на себе Маринин взгляд и, улыбнувшись, вернула его обратно. Улыбка была теплая, подбадривающая, и Марине сразу полегчало. Что ж, если все они такие, как эта Оля, тогда, может, все еще и ничего. Однако не может быть, чтобы у нее было пятеро детей! Марине не верилось, ну нисколько (а как бы, интересно, выглядела Марина, роди она пятерых? Жуткая мысль!)

И тут эта безумно долгая минута кончилась, дверь наконец распахнулась, и Марина увидела Алену. Она сразу поняла, что это Алена. Волна ревности, поднимавшаяся было в Марининой душе, когда они ехали в электричке, немедленно улеглась. В Алену Марина сама была готова влюбиться, причем с первого взгляда.

Внешне Алена была настоящей Аленушкой из сказки – с толстой золотистой косой и прозрачными, как вода в реке в

ясный день, серо-голубыми глазами. На гордо поднятой голове она несла высокий сифон с газировкой, который слегка придерживала рукой. Другую руку она сразу же, от дверей, протянула Марине, но Валерьян стоял к дверям ближе, поэтому по пути Алена приостановилась и легким, нежным, бесконечно естественным движением потянулась к нему и поцеловала его в губы.

Непосредственно после этого Алена в упор посмотрела на Марину, словно желая проверить ее реакцию. Но реакции никакой не было, кроме, разве что, восхищения. И, хотя к восхищению Алена давно уже привыкла, ей все же было приятно читать его время от времени в новых глазах.

Поцеловав Валерьяна, Алена продолжила путь к Марине, по-прежнему протягивая ей руку, будто бы для пожатия, но, подойдя, неожиданно обвила этой рукой Марину за талию, притянула к себе и тоже поцеловала, не в губы, правда, а в щеку, но тем не менее вложив в этот поцелуй столько чувства, что Марина невольно зарделась. Ей почему-то было приятно и как-то даже забавно, хотя никогда до этого она с девочками не целовалась. Но Алена и в самом деле была удивительная девочка.

– Ну привет, – сказала Алена, обращаясь уже к ним обоим. – И где же это вас носило?

– Так получилось, – на сей раз голос Валерьяна прозвучал слегка виновато. – На пятнадцать сорок пять мы опоздали, а к шестнадцати семнадцати, ты же знаешь, автобусов нет.

– Ну ясно, счастливые часов не наблюдают. Голодные, небось?

– Как волки, – вырвалось неожиданно у Марины, и все засмеялись.

За дверью послышался плач младенца. Оля, скорчив недовольную гримаску – ну вот, с добрым утром, дорогие товарищи, – двинулась было на выход, но Алена удержала ее за руку.

– Постой, кажется, Женька несет ее сюда.

– И зачем? – по-прежнему не скрывая недовольства, произнесла Ольга, но плач в самом деле приблизился, дверь отворилась, и в комнату вошла тоненькая до прозрачности девушка с обесцвеченными пергидролем абсолютно белыми, коротко остриженными волосами. На руках у нее был младенец, при виде которого Валерьян весь расцвел.

– Ой, Ничка! Какая стала! И всего-то неделю не видел, а кажется, вдвое больше. – Он протянул было руки, но его опередила подоспевшая Ольга, на ходу задирающая свитер. Крысу она небрежным жестом перебросила на крышку роля, где та теперь и сидела, невозмутимо умываясь сухими голыми лапками.

– Давай сюда, общий папаша! Она же голодная! Иди ко мне, Ничка-синичка, серенькая птичка!

Молча, затаив дыхание, наблюдала Марина, как Ольга кормит ребенка. Она же никогда этого раньше не видела!

Грудь у Ольги была большая, полная и белая-белая, сквозь

кожу просвечивали синеватые жилки. А младенец был такой крохотный, что Ольгина грудь была, пожалуй, в два раза больше этой прильнувшей к ней головенки. Но сосала малышка просто как электронасос. Ольга даже слегка морщилась время от времени, было похоже, что эти крохотные губенки как-то умудряются причинять ей боль.

– Ой какая деточка! – выдохнула наконец Марина.

– Нравится? – переспросила Ольга, заканчивая кормить и пряча грудь под свитер. – Ну, бери. – И неожиданно сунула младенца в руки совершенно оторопевшей Марине.

Все так и усталились на нее, интересуясь, что она теперь будет делать. Неловко ухватив ребенка, Марина буквально застыла столбом, мучительно сознавая всю нелепость своего положения. Они, конечно, все сразу заметили, что она впервые держит – да что там держит – видит! – такого маленького! Младенец захныкал, и положение сделалось еще нелепее. Марине было так стыдно, что покраснели не только мочки ее ушей и щеки, но и шея, и спина, и даже руки, в которых она держала малышку, вспотели и покраснели, а на лбу выступили бисеринки пота, в висках застучала кровь. За что они с нею так?! И в то же время даже сквозь мучительный стыд Марине удалось заметить и отложить в глубину себя – на потом, на завтра, – как это приятно – держать такое маленькое и теплое на руках. Если бы только они не смотрели сейчас на нее – экая чертова прорва глаз, чужих, незнакомых, испытующих, если бы только Марина могла побыть сейчас с

этим крохотным, копошащимся чудом хоть минутку наедине! Младенец меж тем, словно ощутив всю суматошность ее состояния, захныкал сильнее, потом завопил и так бы и вопил, если бы Алена наконец не сжалилась и не забрала его у Марины.

– Ничего, научишься еще. Тем более этого добра у нас много. Чересчур даже. Да вот, например. Откуда ты, престное дитя?

Все, как по команде, посмотрели на дверь. На пороге стояла маленькая, безумно похожая на Алену девочка с сонными проказливыми глазами.

– Явление второе. Те же и Соня. Тебе что тут надо? – Алена изо всех сил старалась говорить сурово, но у нее ничего не получалось.

– Валя приехал! – не отвечая, выкрикнула малышка и, легко перелетев через всю комнату, повисла на шее у Валерьяна.

– Валька, сейчас же отнеси ее обратно в постель, а то вы у меня оба получите! – пригрозила Алена, еле сдерживая смех. Но эти двое не обратили на нее никакого внимания, целиком поглощенные друг другом.

– Я так скучала, так скучала, – счастливо поскуливала девочка, уткнувшись в грудь Валерьяну. – А это ты Марину привез? Она теперь тут будет жить? С нами?

– Да, маленькая. А ты почему еще не спишь?

– Я тебя ждала. Я так тебя ждала! Сказали, ты к обеду

приедешь и Марину привезешь, а вас все нет и нет. Я ждала-ждала. Я заболеть могла от такого ждания!

– Прости меня, пожалуйста, мы на электричку опоздали.

– Больше так не будешь? Ну смотри, прощаю в последний раз. И завтра не уезжай, хорошо?

– Куда ж я от тебя уеду?

– Как куда? В Москву. Я же знаю, у тебя там бабушка. Ты не думай, у меня в Москве тоже бабушка есть, даже две. А Марина у тебя теперь тут. И ты к ней больше уезжать не будешь. А ты меня любишь?

– Да, – сказал Валерьян.

– А Марину?

– Нет, это просто ужасное дитя! – вмешалась в их разговор Алена. – Марш спать сейчас же, а то тебя ждут грандиозные шлепки! А ты, Валька, кончай ее баловать, а то вечно, как ты тут, так она на голове ходит.

– Тогда пускай Валя меня отнесет! – капризно потребовала девочка. – А ты, мама, пойдй с нами и попой мне песенку какую-нибудь.

– Еще что? – фыркнула Алена. Тем не менее вышли они втроем, причем Валерьян с Аленой довольно долго не возвращались.

Похоже было, что настоящая хозяйка здесь Соня. Впрочем, почему только Соня? Здесь ведь, по словам Валерьяна, должна быть целая куда детей. Интересно, они все тут на голове все время ходят? А взрослые пляшут под их дудку? Это

как-то не совсем то, о чем Марина мечтала. А вообще, любит ли Марина детей? В смысле, не таких роскошных младенцев, как Ольгина Ничка, а таких вот маленьких, похожих на Соню, монстров? Любит ли Марина детей? Детей она любит? Марина не знала. Не знала.

И с Валерьяном здесь все опять стало непонятно. Странно, Марину почти совсем не задело вольное обращение с ним Ольги или Алены, но вот к Соньке она его взревновала безумно. С ума она, что ли, сходит тут потихоньку или уже сошла? И как это они вышли втроем ребенка укладывать — ни дать ни взять счастливое семейство! Впрочем, Валерьян ведь и по дороге говорил, что Алену любит. А про нее, про Марину, он ничего такого никогда не говорил.

Ну а потом они в самом деле затопили камин, поставили на стол и рояль зажженные свечи, внесли чай в большом серебряном чайнике, появилась какая-то еда, и в том числе обещанные кабачки. Марина ела, и хотела еще, и просила, и ей давали – всех, похоже, радовало, что у нее такой хороший аппетит.

От еды, тепла и света Марина покраснелась, размякла, ей захотелось спать. В общем разговоре она не участвовала и почти его не воспринимала. И вообще, был ли он, какой-то общий разговор? Ее, кажется, о чем-то спрашивали, и она в ответ кивала, но, кажется, невпопад. В конце концов Валерьян сжалился над Мариной и увел – да нет, почти что унес – ее куда-то по крутой лестнице вверх, уложил там в постель и, кажется, попросил разрешения вернуться вниз, ко всем и к камину. И Марина разрешила. Наверное. Во всяком случае, проснулась она утром совершенно одна.

Открыв глаза и сладко потянувшись, Марина осторожно откинула красное ватное одеяло и на цыпочках подошла к двери. Нажала на ручку и слегка потянула. Дверь приоткрылась. Уф-ф. А то уж ей спросонья показалось, что ее тут заперли. Теперь можно было оглядеться.

Комната, где ночевала Марина, была совсем небольшой. Здесь стояла кровать – довольно-таки широкая, этажерка с книгами, у окна – старинный письменный стол. Потолок был скошенный – наверное, это была мансарда. На полу перед кроватью лежал пестренький домотканый коврик.

Маринина одежда лежала на стуле, вплотную придвинутом к кровати. Она быстро оделась, сунула ноги в тапочки. Напротив кровати висело небольшое овальное зеркало. Марина посмотрелась в него, вынула из кармана джинсов расческу и осторожно провела ею по волосам – расческа тут же застряла. Предстояла долгая работа. Нужна была щетка! Но щетка осталась в сумке, а сумка... Кажется, в прихожей на вешалке.

Кое-как разобравшись с волосами, Марина вышла из комнаты и тут же отпрянула от неожиданности.

Из комнаты напротив прямо на нее выступил вчерашний огромный пес. Здесь, на крохотной площадке узенькой лестницы, под низкими скошенными чердачными потолками пес

показался неестественно громадным и грозным. То ли дело вчера во дворе! Там-то он смотрелся вполне естественно и потому совершенно не страшно.

Устыдившись собственной трусости, Марина заставила себя сделать шаг, другой, но, не выдержав, остановилась, присела на корточки и, неуверенно протянув руку, заговорила ласково-ласково – куда ласковей, чем вчера во дворе:

– Собачушка ты хорошая, ну поди, поди сюда, маленький ты мой! Поди сюда, дай лапку, давай познакомимся. Тебя как звать-то? Русланом, что ли?

Пес медленно, с достоинством приблизился к Марине и поставил ей на колено гигантскую тяжелую лапу, отчего Марина чуть не опрокинулась на спину. Ох и тяжела была эта лапа! Тем не менее Марина дружески ее пожала, погладила пса по шее, потрепала по ушам, потом с чувством выполненного долга встала, отряхнула брюки от шерсти и двинулась по лестнице вниз. Пес проводил ее сверху добрым и грустным взглядом. Нет, все-таки в нем слишком много было от сенбернара. Обыкновенно в московских сторожевых как-то больше от кавказской овчарки.

Миновав второй этаж, Марина спустилась вниз и, немного пройдя по знакомому уже коридору, наткнулась на две – одна возле другой – двери: к одной была прилеплена картинка с писающим мальчиком, к другой – со стоящей под душем девочкой. Это было именно то, что Марина искала. Побывав и за той дверью, и за другой и почувствовав себя в результате

в куда большей степени человеком, Марина пошла дальше по коридору, решив заняться поисками той комнаты, где они были вчера – с роялем и камином. Ей почему-то казалось, что комната эта – что-то вроде здешнего клуба, а раз так, то именно там она, скорее всего, кого-нибудь найдет. Одиночество в незнакомом доме начало ее слегка тяготить.

Знакомую комнату она обнаружила довольно быстро, и там в самом деле кто-то был. Этот кто-то стоял у окна, спиной к Марине, и сквозь зубы насвистывал довольно сложный мотив. Услышав шаги, он обернулся, и Марина невольно зажмурилась. Она увидела лицо, исполненное такой нечеловеческой красоты, такой ангельской прелести, что у нее захватило дух.

Перед Мариной стоял юноша лет примерно одних с Валерьяном, но гораздо выше, в прекрасно сшитом костюме, в белой рубашке и при галстукe. Густые золотистые волосы ниспадали ему на плечи крупными локонами. Глаза были большие и синие, с поволокой. Полные алые губы улыбались, демонстрируя безупречно белые зубы. На покрытых нежно-розовым румянцем щеках от улыбки обозначились ямочки. Само лицо было безупречной, благородно овальной, стало быть, формы. «О боже мой, – подумала Марина, – да таких красивых надо в клетке держать, в зоопарке. И как он только такой по улице ходит!»

– Здгавствуйте, – слегка грассируя, проговорил этот ангел. – Меня зовут Денис. А вы, вероятно, Марина.

– Ну... да, – с запинкой ответила Марина, еще не до конца пришедшая в себя и не совсем даже уверенная в правильности своего ответа. Голос у этого Дениса оказался тоже на уровне – низкий такой, бархатистый, богатый оттенками. Чем он, интересно, в жизни занимается – любовников на театре играет, что ли?

– Чаю или кофе? – все с той же светской интонацией осведомился Денис.

– Ко... кофе, пожалуй.

– Ну что ж, тогда, пожалуй, стоит пойти на кухню и поставить об этом в известность Женьку, она сегодня дежугит. Пойдем вместе, я тоже кофе хочу, а то ночью не спал почти – в два только сюда добрался, – неожиданно совершенно по-человечески заговорил Денис. И, не дав Марине опомниться, ухватил ее за рукав и потащил куда-то обратно по коридору, под лестницу.

Под лестницей оказалась еще одна, не замеченная раньше Мариной дверь. За ней была кухня – довольно большая, полная всяческих вкусных запахов. Там стоял стол, длинный-длинный, почти во всю кухню, и плита, газовая, с четырьмя конфорками, под окном стоял маленький стеклянный столик на трех ногах.

Посреди длинного стола восседала крыса и грызла сухую корку. У плиты под окном хлопотала вчерашняя тоненькая девчушка с пергидрольным ежиком – она что-то энергично мешала в большой белой эмалированной кастрюле. На трех

других конфорках тоже что-то бурлило и кипело. На стуле рядом с плитой сидела Ольга, держа на коленях Ничку, и увлеченно рассказывала о чем-то, а Женька молча кивала ей головой, основное свое внимание уделяя все же кастрюле.

– Женечка, здгавствуй, солнышко! – прокричал с порога Денис. – Все-все здгавствуйте, кого я еще не видел.

– Не ори, ребенка разбудишь, – зашипела на него Ольга.

– В этом возгасте, золотко мое, они еще ни на что не геагируют, это я тебе как вгач говогию.

– Будущий, – уточнила Ольга, дружески кивая Марине.

Про себя Марина сделала большие глаза: как, это чудо природы – врач? Пускай даже будущий, а то каким бы он еще мог быть в этом возгасте? Небось на врача не один год учатся! Ну вообще – врач?! Вот бы никогда не подумала. Гинеколог, что ли?

– Женюша, мы пгишли к тебе. Сделай нам с Магиной кофе.

– Да-а? – протянула Женья. – А кашу деткам кто варить будет? Кофе ему... Только если сам сваришь. И то в виде исключения, – и, видя, что Денис колеблется, жестко добавила: – А то смотри, и кофейника не дам, и конфорку не уступлю.

– Ну хорошо, – сдался Денис. – Но вообще – крыша у вас у всех поехала. Три бабы на кухне, а мужик сам должен себе кофе варить. И какой мужик! – Он гордо откинул прекрасную голову и потряхнул кудрями. – Чистое золото!

– Самоварное, – фыркнула Женя.

– Дениска, а ты подожди, вот я сейчас Ничку отнесу, вернусь – и сварю вам с Мариной кофе, – вызвалась Ольга. – Раз она сама не умеет.

– Да ладно тебе, – осадила ее Женя. – Первый день человек в доме, не знает еще ничего.

– Дайте, пожалуйста, кофейник и покажите, где взять кофе, – не выдержала наконец Марина.

Женя положила на край плиты ложку, которой мешала в кастрюле, и, подойдя к высокому, под потолок, старинному резному буфету, достала из него большую медную джезву, банку с намолотым кофе и сахарницу. Все это она поставила на длинный стол и кивком указала на это Марине.

И Марина принялась за дело, спиной чувствуя, что за ней внимательно наблюдают три пары глаз. Глаза, глаза, никуда от них в этом доме не деться. А ведь еще так недавно ей показалось тут одиноко! Впрочем, глаза – какое же это общество! Вон их сколько – глаз-то, а Марина перед ними совсем одна. И Валерьян куда-то исчез. Вступить-то за нее некому!

Сладко потягиваясь, в кухню вошла заспанная Алена, подошла к столу, молча уставилась на Марину, некоторое время смотрела и наконец изрекла:

– Так. И что же это ты тут делаешь?

– Кофе варю, – в душе немного струсив, но со всей возможной твердостью ответила Марина. – Себе и Денису.

– Та-ак. – Алена перевела взгляд на Дениса, скромно при-
тулившегося в уголке и барабанившего пальцами по малень-
кому столу. На Алену он вроде бы не обращал ни малейше-
го внимания, не поздоровался даже. Впрочем, может быть,
они уже виделись? – Та-ак, – повторила Алена. – Вот ведь
что значит красивый мужик! Не успел с девушкой познако-
миться, ан глядь – она ему уже кофе варит! Хорошо хоть, в
постель не подает. Нет, Денис, я всегда знала, что ты у нас
не промах, но чтобы до такой степени! Обычно у тебя все-
таки сначала постель, а уж потом в нее кофе.

– Во-пегвых, я велик и газнообгазен, во-втогих, всему
свое вгемя. Сейчас утго, а по утгам я пгивык пить кофе. По-
дожди, еще не вечег. – И он как-то особенно проникновенно
взглянул на Марину, у которой от этого взгляда прямо-таки
душа ушла в пятки.

– Не смущай девушку, сейчас же отвернись! – скомандо-
вала Алена и, подойдя, попыталась развернуть Дениса к Ма-
рине спиной. Тот, сопротивляясь, неожиданно обнял Алену,
привлек к себе, попытался было поцеловать, но тут же отпу-
стил с громким воплем: извернувшись, Алена зубами цап-
нула его за руку. Все рассмеялись.

– Кошка бешеная, а не человек! – высказался Денис, по-
трясая укушенной рукой.

Марина выключила под кофе горелку и шепотом спроси-
ла у Жени чашку. С чашкой кофе Марина присела было за
маленький стол в углу, но Женя ее остановила:

– Ой, слушай, туда не надо! Это Илюшин стол, а ты либо за большой садись, либо в столовую иди, где камин.

– Пойдемте, Марина, от них в столовую, – позвал Денис, тем временем самостоятельно наполняя свою чашку. – А еще лучше, пошли ко мне в комнату, а? – зашептал он Марине на ухо, когда они уже вышли в коридор. – А то мне чего-то кажется, что Алена права. Должна же быть справедливость: постель сначала, а кофе потом.

– Нет, почему же, у нас с Валерьяном кофе тоже был сначала, – неожиданно для себя выпалила Марина и даже не покраснела.

– В самом деле? – Денис рассмеялся. Смех у него был тоже чудесный.

– А вы в самом деле будущий врач? – спросила Марина, когда они уютно расположились на диване в столовой.

– В самом деле. А почему мы все на «вы» и на «вы»? А на «ты» можно?

– Конечно, – обрадовалась Марина. – Терпеть не могу, когда мне «вы» говорят. Такой взрослой себя сразу чувствуешь, прямо даже старой.

– И что, не нравится?

– Что не нравится? – не поняла Марина.

– Чувствовать себя взрослой.

– Ни капельки. – Марина тряхнула даже головой. – Два года назад я даже хотела покончить жизнь самоубийством. Накануне своего дня рождения: только чтобы взрослой не становиться. Мне тогда пятнадцать лет исполнялось.

– Ну уж это у тебя какие-то радикальные меры. Прямо-таки хирургические. А вообще ты здесь в этом не одинока. Здесь этого тоже никто не хочет. Взрослеть, в смысле.

– И как, удастся? – с интересом спросила Марина.

– Да как сказать. В основном да. Но, по правде говоря, главным образом благодаря Алене или, скорее, ее папе. В общем, дому этому. Тому, что он у нас есть. И пока он есть... – Денис помолчал, а потом серьезно посмотрел прямо Марине в глаза, прямо в самую душу заглянул: – Вот и у тебя он

теперь тоже будет. Ты на нас не обижайся, если что не так. Мы ведь не со зла. Просто мы тут все свои. Привыкли друг к другу, пообтесались. Бояться друг друга перестали опять же. И ты, если захочешь, тоже будешь здесь своя. И по-моему, ты захочешь, потому как, если я Вальку верно понял, деваться тебе теперь некуда. Но все-таки так, для проформы: ты хочешь, Марина?

Взглядом он, казалось, спрашивал о чем-то гораздо большем, и Марина совершенно вдруг растерялась.

– Не знаю, – произнесла она. – Я... я как-то еще не думала.

– Когда думать будешь? – все так же ласково спросил Денис, но глаза его как будто смеялись, и смеялись неласково. – Двенадцатая неделя идет, так я слышал? Глядишь, поздно думать будет. Ну так что?

– Я... не знаю. Наверное... да.

– Что «да»? – на сей раз жестко, глядя прямо Марине в глаза, спросил Денис.

– Да, хочу, – пролепетала Марина, вконец раздавленная его натиском.

– Ну вот и славно. – Денис сразу расслабился, опять стал светским и легким. – Тогда все в погядке. – И, наклонясь к самому ее уху, ласково, призывно зашептал: – Нам с тобой еще нужно будет поговогить. О всяких важных вещах. Сейчас-то уже вгемени нет. А ты пгиходи в мою комнату после обеда, там нам никто не помешает, ладно?

Кляня себя на чем свет стоит и в то же время самой себе

внушая, что ничего тут такого нет – да и не может быть, не должно, – Марина кивнула.

Оставшийся кофе они допили уже молча.

Аккуратно приподняв белоснежный манжет, Денис посмотрел на часы.

– Так я и думал. Ровно девять тридцать. Часы надо не на руке носить, а в голове держать – тогда и не отстанут, и не убегут. У тебя с этим как? Есть у тебя часы в голове?

– А как же! – Марина усмехнулась. – И даже довольно-таки точные. По крайней мере дважды в сутки определенно не врут. – И, не выдержав, сама первая рассмеялась.

Оценив ее шутку, Денис засмеялся следом, и тут где-то наверху ударили в гонг.

Почти сразу же за гонгом в столовую нахлынуло какое-то живое и орущее месиво. Невозможно было разобрать, где руки, где ноги, где головы, крик стоял невообразимый. Марина с наигранным ужасом прижала ладони к ушам. Денис резко встал и громким басом рыкнул:

– Мол-ча-ать!

Все немедленно стихло. Клубок распался, и на ковре, наподобие маленьких статуй, застыли в нелепых позах отдельные детские фигурки, вытаращив на Дениса испуганные глазенки.

– Так-то лучше! – не меняя тона, пророкотал Денис. – А ну-ка, теперь все по местам! И если что, помните: я сегодня дома!

Дети молча подошли к столу и не без труда вскарабкались на слишком высокие для многих стулья, время от времени бросая боязливые взгляды на Дениса.

– Вот так с ними и надо! – похвастался он. – У меня они зря пикнуть не посмеют! Ну что, давай знакомиться?

Марина молча кивнула.

– По старшинству, значит. Эти два оболтуса – Ольгины. – Денис указал на двух совершенно одинаковых ярко-рыжих мальчиков с прозрачными зелеными глазами. На вид им было лет шесть. – Этот вот, слева – Сэмэн, а этот – Стэп, – довольно уверенно сказал Денис, поочередно тыкая в них пальцем.

Мальчишки разом энергично замотали головами.

– Что, ошибся, что ли?

Так же молча и энергично мальчишки закивали. Денис слегка пригрозил им пальцем.

– Но-но! Это вы другим лапшу на уши вешайте! Я-то вас не спутаю, не надейтесь! Особенно когда вы вот так рядышком сидите. С близнецами знаешь как? – Он обернулся к Марине: – Когда вдвоем – сразу видно, кто есть кто. А вот если кто-то один в комнату зайдет – нипочем, бывает, не угадаешь. Мы уж их одевать по-разному пытались, но они ведь одеждой могут и поменяться. И хитрые, скажу я тебе, как черти! Особенно вот этот. – Денис шутливо дернул Стэпа за ухо и перешел к следующему стулу.

– А это вот Кит. Он у нас вообще-то хороший мальчик,

тихий такой, послушный, особенно когда спит.

Сидящий перед ним малыш засмеялся – открыто, весело, обаятельно. «Ах да, – вспомнила Марина, – ведь это же его сын!» Но сам Денис не упомянул об этом ни словом. Впрочем, к чему слова? А чьи же еще могли быть эти синие-пре-синие глаза и густые золотистые кудряшки, эти румяные щеки и нежный овал лица? А главное, главное – чья это улыбка и такие чудесные ямочки?

– А вот это у нас Димыч.

Узкое, напоминающее ножик лицо, глаза, горящие черными угольками, тонкие, уже сейчас жесткие губы и худая жилистая фигурка – да это же Женькин мальчик, сообразила Марина. Единственный из всех, он не улыбнулся, а только остро взглянул на Марину и опять уткнулся взглядом в стол.

– Экий ты, дружок, нелюбезный! – укорил его Денис. – Ты б хоть поздоровался.

Димыч молчал.

Денис настаивал:

– Ну хоть улыбнись!

И, как бы извиняясь, сказал Марине:

– Димыч у нас человек серьезный.

И тут серьезный человек заговорил. Так и не оторвав взгляда от стола, на едином дыхании Димыч выпалил:

– Так ты что, беременная, да?

От неожиданности Денис поперхнулся.

– Тебе кто сказал?

– А что, правда, да? Ну вот, я же и думал. А то чего бы она приехала?

– Дурдом какой-то! – окончательно рассердился Денис. – Вот что значит – полон дом бабья. Чешут, понимаешь, языками все кому не лень. Марин, ты не бери в голову, он же маленький еще, повторяет как попугай, не понимая.

– Это еще почему? – возмутился Димыч. – Беременные – это те, у кого скоро дети родятся.

– Да замолчи же ты наконец! – заорал на него Денис.

– А что, не так, да?

На Марину, уже оправившуюся от неожиданного нападения, теперь напал приступ смеха.

– Нет, ну надо же! – с трудом выдавила она. – Ну и дети у вас тут! Они что здесь, все такие?

– Нет, через одного. – Видя, что она не сердится, Денис тоже рассмеялся.

Следующей шла Соня, которая тут же завопила, что она Марину «уже вчера видела».

Последним Денис представил краснощекого толстого карапуза, про которого сказал:

– Вот, понимаешь, человек. И всего-то на полгода младше Соньки, а кроме «мама» и «папа» ничего почти не говорит. Зато все понимает! Прямо как Руслан. Верно, Иваша? – Денис ласково взъерошил белобрысые волосенки.

«Этот, должно быть, тоже Ольгин, – про себя соображала Марина. – Да плюс еще Ничка. Но это четверо. А где же пя-

тый?»

Столовая между тем постепенно заполнялась. Появилась Алена в длинной узкой черной юбке с разрезом, белой блузке и узорчатой жилетке. Пришла Ольга с неизменной толстой крысой на плече. Женя внесла кастрюлю с дымящейся кашей. Вместе с Денисом они торжественно водрузили ее на стол. А Валерьяна все не было и не было.

Наконец в коридоре громко и жизнерадостно затопали, и в комнату буквально ввалились трое недостающих: абсолютно счастливый, со звенящей от льдинок шерстью Руслан, улыбающийся Валерьян в лыжном костюме, с румянцем во всю щеку, и девочка лет восьми, такая же румяная и тоже одетая в лыжный костюм. У девочки были теплые карие глаза и длинная, аж до колен, толстая каштановая коса. У Валерьяна и девочки был такой довольный вид, что Марину сразу же охватила дикая злоба – вот она тут все утро протрепалась неизвестно о чем, а эти трое наверняка чем-нибудь стоящим занимались!

– На лыжах ходили? – пряча зависть за насмешливой улыбкой, спросил Денис.

– Ага! Погода – прелесть! И солнышко, и морозец какой-никакой – не без этого.

– Мороз и солнце – день чудесный! – провозгласила Ольга, будто кто без нее не знает. – А я-то гадаю, куда это Джейн с утра упорхнула. Представляете, пришла утром будить – а в комнате никого, и даже постель заправлена.

– Нет, Валька, ты все-таки на удивление правильный человек, – искренне сказала Алена.

– Это только здесь, – тихо, с мечтательной улыбкой проговорил Валерьян.

– И даже на завтрак не опоздал. Вот кого уважаю! – Денис с чувством хлопнул Валерьяна по плечу.

– Как можно! – шутливо ужаснулся тот.

– Ну, господа, садимся! – сказала Алена, с грохотом пододвигая стул. – Покушаем, что бог послал, а Женечка приготовила.

Все сели, явно соблюдая некий привычный ритуал. Марину Денис усадил между собой и Аленой, а вот Валерьян оказался совсем в другой стороне стола, рядом с детьми. Это было просто ужасно! После всех этих бесконечных унижений, всех этих подколов, проверок и душедробительных разговоров Марине просто необходимо было уткнуться в его плечо, такое знакомое и родное.

А он уселся далеко, и сидит себе там, будто так и надо, и только изредка оттуда, из своего далека, улыбается Марине своею здешней, совершенно идиотской блаженной улыбкой. Что ж, и на том, в конце концов, спасибо, Марине сейчас и улыбка эта во как была нужна. Гораздо лучше, чем ничего.

И так ей тут было горько, страшно и одиноко, что даже близкая Денисова красота – Марина ведь и помыслить себе не могла оказаться когда-нибудь рядом с таким красавцем – не радовала ее, а скорей ужасала. В какую-то минуту Мари-

ну вдруг безумно потянуло домой, а впереди ведь были еще два дня, да и будущее выглядело неясным. Между прочим, если так уж трезво порассуждать, а есть ли еще у Марины дом? Как подумаешь – вроде бы уже и нету. Мама и так с трудом примирилась с мыслью, что Марина выходит замуж, потому что беременная, а если вдруг окажется, что Марина беременна, но замуж не выходит – нет, это просто невозможно было себе представить, что тогда будет! Но с другой стороны, остаться тут? Надолго? Почти насовсем? Нет. Невозможно. Немыслимо. Нет, надо поискать какой-то другой выход, но какой?

И, если бы не мысль о предстоящем разговоре с Денисом, Марина сразу после завтрака накинулась бы на Валерьяна с требованием сейчас же увезти ее отсюда, а так она решилась потерпеть по крайней мере до после обеда.

Однако пока было еще только после завтрака. Марина помогла Женьке собрать и перемыть посуду – привычный, полуавтоматический жест вежливости. Посуды было много – разной: глубокой и мелкой, цветной и белой, фаянсовой, фарфоровой и стеклянной, гладкой и со сложным лепным узором. Впечатление было, что каждая тарелочка-чашечка представляет собой последний, уникальный экземпляр, чудом уцелевший от купленного в незапамятные времена сервиза. Все это посудное разношерстие как бы силилось рассказать Марине – да, собственно, не только ей, а всякому, кто захотел бы слушать, – всю как есть длинную и запутанную историю этого дома и жившей некогда в нем семьи. Ведь, конечно же, все эти сервизы когда-то и кем-то покупались – для того, например, чтобы подарить их на свадьбу или день рожденья и чтобы потом, глядя на эти сервизы, люди могли повспоминать: того, кто им их подарил, и в честь чего это было.

Но вот беда – сейчас здесь, на кухне, не было никого, кто бы мог что-нибудь рассказать об этом Марине. И ей оставалось только гадать, как оно все тут было раньше, когда ее, Марины, тут не было и в помине, а зато все эти сервизы были целы. Углубившись в эти размышления, Марина незаметно выронила стеклянную плошку, и та вдребезги раскололась о

край раковины. Осколочки так и брызнули во все стороны.
– Ай! – очнулась наконец Марина, услышав звон разбитого стекла.

– Ничего-ничего! – успокоила ее Женя, наклоняясь и подбирая заискрившиеся на солнышке кусочки стекла. – К счастью!

– Надеюсь, – еле слышно прошептала Марина, обращаясь к самой себе.

Но Женя услышала и улыбнулась. Улыбка у нее была на удивление светлая и открытая. От этой улыбки у Марины сразу потеплело на сердце и захотелось улыбнуться самой. И она улыбнулась – вот только у Марины улыбка вышла какая-то кривая и неуверенная.

– Вы в Москве раньше жили? – все так же наобум выстроила Марина следующую вежливую фразу.

– Нет. Вообще-то я из Подмосковья, из Серпухова. Знаешь, есть такой городишко, от Москвы на юг два часа электричкой.

– Кто-нибудь у вас там остался?

– Мама. Но я о ней уже сто лет ничего не знаю. Я как уехала после восьмого в ветеринарный техникум поступать, так с тех пор не видались, не слыхались, даже не переписывались. Она, понимаешь, у меня замуж вышла, а мужик тот еще, пьет, опять же, без просыху. Да и вообще, на кой я им сдалась? Да ты сама, наверное, понимаешь?

Сказать, что Марина понимала, было бы явным преувели-

чением. Все услышанное относилось к какой-то чужой, абсолютно неведомой – и век бы не ведать! – жизни. Но у Жени выходило, что все это как-то обыкновенно, само собой разумеется и у всех, мол, примерно так же. И Марина поневоле задумалась, а в самом ли деле у нее все иначе. Вслух же она спросила, на сей раз с неподдельным любопытством:

– Женья, а вы в самом деле ветеринар?

– Нет, – просто ответила Женья. – Я же не закончила. Так с тремя курсами и осталась.

– Почему?

– Как почему? Залетела, ну, значит, и выставили за аморалку. Как раз на третьем курсе все и было. Полгода всего оставалось. Так жалко было, до слез прямо!

– А что, разве так бывает? – Марине как-то не верилось. Со своей московской колокольни ей не виделось решительно никакой связи между беременностью и несомненным правом личности на образование.

– А как же! Чуть живот появился – и сразу выперли. Мне тем более еще восемнадцати не было.

– А этот... От которого ты... – Марина никак не могла найти подходящее слово.

– А он в армию ушел. – Женья потянулась за новой тарелкой. – Еще осенью.

Марина автоматически попыталась перенести эту ситуацию в свою школу – об этом, вообще говоря, стоило бы подумать, как все это будет, когда... Но все равно то, о чем

рассказывала Женя, звучало совершенно немыслимо.

– И где же ты тогда стала жить? – тоже наконец перейдя на «ты», спросила Марина. А в самом деле, где жить человеку, которому домой нельзя, поскольку дома у него практически нет, и в то же время там, где он до сих пор жил, тоже нельзя остаться?

– Сначала так и жила потихонечку в общежитии, девчонки меня там прятали от начальства. Учиться уже не ходила, конечно, а так жить – жила. От комендантши – у нее свои ключи были, все чистоту проверять ходила, стерва, – так я от нее в шкаф залезала. Залезу, понимаешь, в шкаф, запрусь изнутри и сижу. Один раз чуть было не задохнулась в шкафу в этом. Комендантша ушла уже, а я все дергаю дверь, дергаю, а она никак – заело что-то. А мне уже воздуха не хватает, мне и так-то уже трудно дышалось, срок большой, живот подпирает, ну я дергала, дергала, сама не заметила, как свалилась, отключилась ну прямо начисто, самой даже теперь не верится. – Женька замолчала, точно заново окунаясь во всю эту жуть.

– Ну? – поторопила ее Марина, не в силах дождаться развязки. – А кончилось-то все чем?

– Да ничем. – Женькин голос звучал отрешенно и равнодушно, как будто развязка-то ее как раз и не интересовала. – Потом все с занятий вернулись, пошли переодеваться, открыли, значит, а я, значит, оттуда и выпала.

Марина поежилась:

– И как, было с тобой что-нибудь после этого?

– Ни фиги. – Женька рассмеялась. – Водой из чайника облили, и сразу, значит, все – встала и пошла. Так я до самых родов в общаге и просидела – и своим ходом ушла, между прочим, хотя от нас там километров пять было. Ну девчонки, правда, проводили немного, конечно, не до конца – время-то уже позднее было, у нас общагу в одиннадцать закрывали. Ну они, значит, домой, а я, значит, дальше пошла. Холодно, ветер, я прям заледенела вся. Такой цирк, ежели вспомнить. И схватки! Иду, прямо не могу, согнувшись. Ну да ничего, дошла как-то. – Женя легко, стремительно повернулась, оставляя куда-то вдаль, на задний, более безопасный план какую-то особо тонкую и красивую и оттого видно особенно любимую чашку. – А дальше, ты слушай, что дальше было! Дойти-то я дошла, а там ведь у них заперто, ну ночь же. И звонок не работает – провода оборвало, ветер в ту ночь жуткий такой был!

– Боже мой! – в ужасе выдохнула Марина.

– Да вот! – Женя опять засмеялась, явно довольная произведенным впечатлением. – На мое счастье, двери входные там стеклянные были. Как садану по стеклу сапогом со всей дури – а сапоги, между прочим, кирзовые, у нас у всех, кто в конноспортивной секции занимался, такие были – стекло вдребезги, шум, грохот, народ набежал, давай ругаться, стекло-то небось денег стоит, а у меня, без очков ясно, что нет ни копейки. – Женя снова замолчала, на сей раз улыбаясь меч-

тательной такой полуулыбкой. Видно, чем-то все эти жуткие воспоминания были ей дороги и приятны. – Вот, – произнесла она наконец. – Потом почти сразу Димыч родился, меньше чем через час. И помучиться-то толком не успела. Порвалась вот только вся. Четыре-то килограмма, конечно, – последнее было сказано с классической материнской гордостью.

Впрочем, сказав эти слова, Женька снова помрачнела.

– Дальше-то, конечно, хуже было, – произнесла она и опять надолго замолчала.

– Почему хуже? – не выдержала наконец Марина.

– Ну а как же? Жить-то ведь по-прежнему нигде. Ну родить я родила, пожалуйста, вот он, Димыч, получите и распишитесь и валите теперь отсюда на все четыре стороны. А куда? В общежитии-то я и одна еле-еле продержалась, а уж с малым-то, сама понимаешь.

– И что, ничего-ничего нельзя было сделать? Ну пойти там куда-нибудь... Все-таки ведь ребенок!

– Ходить-то я ходила. И в милиции была, и в роно, и в Горздравотделе, везде один ответ: прописки же у вас нет – ну и катитесь отсюда на три веселых буквы. Почему именно мы должны с вами мучиться? У тебя-то, конечно, прописка есть? – неожиданно перебила она саму себя.

– Ну... Конечно, есть, – ответила Марина, испытывая нечто вроде смутного стыда по этому поводу.

– Вот то-то ты и не знаешь, что это такое. Ты ее береги, –

серьезно сказала Женя. – Прописка, знаешь, это такое дело... С пропиской-то ты человек, а без прописки ты как собака без привязи, любой, кто хочет, изловит и отправит на живодерню.

Женька опять было замолчала, однако справилась с собой, сглотнула и продолжила свой рассказ:

– Да, так вот, значит, и ходили мы с Димычем, ходили, и везде говорят: сдавай-ка ты его, милая, в детдом, а мы тебе, так и быть, подыщем работенку какую-нибудь с общежитием. Ха! Как же, разбежалась! Умные какие нашлись! Своих пускай сдают. Я так там тетке одной и сказала, ух она разоралась: «Да я тебе! Да я сейчас! Да я милицию позову!» Подумаешь, напугала! – Женькины кулаки рефлексивно сжались, и Марина невольно отодвинулась. Однако слишком многое в этой истории оставалось еще для нее неясным.

– А где же ты жила все это время? Пока всюду ходила?

– Ну где жила? Да по-разному. В основном у девчонки одной жила, которая техникум наш на год раньше закончила, распределение получила и дали ей от ее совхоза барак. Хибара, скажу тебе, страшная, холодина – почти как на улице. Ну, значит, Димыч у меня и заболел от холода этого, верно. Тогда его в больницу детскую взяли, ну а пока он в больнице, и я там при нем вертелась, значит. До весны кое-как дотянули, а там... Есть-то чего-то надо? Вот я, значит, и пошла на вокзал.

– На вокзал? Это зачем же на вокзал?

Женя искоса взглянула на Марину и вдруг залилась краской.

– Работать, – процедила она сквозь зубы, взяла в руки очередную тарелку и, споласкивая ее, затянула нарочито веселый мотив.

До Марины по-прежнему не доходило.

– И что же ты там делала?

– Известно что, мужиков снимала! А что там еще-то делать?! На юга, что ли, оттудова уезжать?! Где пальмы и кипарисы?! – Женя почти что кричала. – Без прописки тебя ведь и в уборщицы никуда не возьмут! Потом ребенок же! – Женя судорожно вздохнула, поставила с размаху на стол стакан и рассказывала дальше уже почти что спокойно: – А на вокзале есть комната матери и ребенка. Вот я, значит, Димку туда заброшу и иду сама в зал ожидания. Потом, правда, половина денег всё на ту же комнату уходила. Они же ведь тоже рискуют. Им же ведь только от пассажиров детей положено принимать, с предъявлением паспорта и билета. – Выдержав паузу, но, похоже, собираясь снова заговорить, Женя сначала выключила ставшую ненужной воду – посуду они как-то незаметно всю уже поперемыли, – извлекла из-под длинного стола табуретку и, усаживаясь на нее поудобнее, спросила: – Ничего, я закурю? Ты как?

– Кури, пожалуйста. – К возможности оказаться в роли пассивного курильщика Марина относилась равнодушно.

– Сама-то не куришь? – поинтересовалась Женька, глубоко-

ко и с жадностью затягиваясь.

– Нет.

– Ну и правильно, и не надо. А я вот, понимаешь ли, с восьми лет как начала смолить, так и все. Уже два раза броса-ла, да как-то все ненадолго. День-два проходит, чувству-ешь – ну все, никаких больше сил нету. Ну, думаешь, и черт с ним.

Женя засмеялась, и Марина как-то невольно к ней присо-единилась: чтобы пережить все услышанное, ей просто необ-ходимо было срочно что-нибудь сделать – или выплакаться, или вот отсмеяться.

– А этот... твой... – Опять не зная, как сказать, начала Марина. – Он же пришел, наверное, давно из армии?

– Ну а если и пришел? – Женька снова погрузилась, со злостью тыкая в пепельницу все никак не желающий погас-нуть бычок. – Я ведь ему тогда сразу написала, что забере-менела, – он не ответил. Ну и на фиг пошел. А потом, ду-маешь, я ему теперь нужна, с вокзала-то? – Женька криво усмехнулась, и так не похожа была эта усмешка на обычную ее милую, ясную улыбку, что Марине на секунду стало со-всем жутко.

– А сюда-то ты как попала? – быстро выпалила она давно мучивший ее вопрос, торопясь поскорей заболтать впечат-ление.

Женькино лицо посветлело. Она, не торопясь, закурила новую сигарету и заговорила мечтательным, совсем непохо-

жим на прежний тоном:

– Да так и попала. Денис у нас знаешь какой? На него когда чего найдет... Снял он меня, на вокзале прямо, представляешь? – Женька рассмеялась и так дальше и говорила, сквозь смех, с трудом проталкивая сквозь него слова, то и дело захлебываясь и фыркая. – Подошел, понимаешь: так, мол, и так, девушка, я, мол, хочу в этой жизни все испытать, вот, понимаешь, пришел к вам на вокзал испытывать...

– Ну и... – Марина тоже уже давилась от смеха.

– Ну и испытал. Пошли мы с ним в парадняк знакомый. Потом дает он мне деньги, все путем, все друг другом довольны, и тут вдруг он говорит... – На этом месте Женька прервалась, чтобы отсмеяться наконец как следует. Покончив с этим делом и с трудом приводя в порядок дыхание, она вытерла навернувшиеся на глаза слезы и продолжила: – Давай, говорит, я тебя хоть провожу, что ли? А то что уж мы как две собачонки – сбежались и разбежались? Давай, говорю, проводи, благо вокзал тут рядом. Дошли мы с ним до вокзала, он мне ручку поцеловал – как в кино, ей-богу! Потом – я на вокзал, и думать про него забыла. Думала, ушел он давно. Гляжу – народу нет никого, дай, думаю, Димыча перед сном в скверике прогуляю. Только мы до скверика дошли, и тут сразу Денис идет. И, значит, к Димычу. Твой, спрашивает, карапуз? Ну Димыча моего ты уже видела, он и мне иной раз слово скажет – как рублем подарит, а к Денису вдруг так потянулся! Ну и я, конечно, тоже. Голова плывет, сердце тает,

не иначе, думаю, прекрасного принца встретила. – На этот раз в Женькином смехе прозвенело что-то вроде мечтательного сожаления. – Ну вот, – закончила она, отсмеявшись. – Слово за слово, выпытал он всю нашу историю, глазами за-сверкал, ногами затопал, все, говорит, в мире сволочи, подхватил нас с Димычем под белые ручки и сразу сюда. Мы и ахнуть, как говорится, не успели.

– А здесь как... Нормально встретили? – задавая этот вопрос, Марина слегка запнулась.

– А то! Я ведь тебе уже говорила, кажется, народ здесь не злобный. А Алена – да я лучше нее и не знаю никого. – В Женькином голосе прозвучала убежденность. – Вот знаешь, что я тебе скажу? Все бабы в глубине души – змеищи. Ты с ней дружишь-дружишь, а она чуть что – и цапнуть норовит. И вот они все до одной такие – ты только не обижайся, Марина, я не о тебе сейчас говорю, тебя я не знаю, – а Алена – нет. Нет в ней ни капельки ничего такого. За это я ее и люблю больше всех. Ну после Димыча, конечно. Она мне как будто мама вторая, нет, правда.

– А все остальные, они что, тогда уже тоже тут были?

– Ну почти все уже были. Ольги не было еще, она потом приехала, через полгода примерно. Зато Илюшка почаще тогда здесь бывал – он еще только жениться собирался, все себе невесту подыскивал, никак ни на ком остановиться не мог. Да, хорошо тогда было!

Женька прерывисто вздохнула и, уже уходя от воспомина-

ний, заговорила как-то неестественно быстро, возвращаясь к основной цели разговора: поддержать Марину:

– Да и сейчас тут неплохо! Так что ты, Марин, главное, не волнуйся, тем более тебе сейчас вредно, ни из-за чего не переживай, а то на тебя ж смотреть нельзя без слез, ей-богу: дрожишь вся, дергаешься, мысли, что ли, в тебе какие-то бродят, не пойму никак. Да гони ты их, гони дурацкие мысли куда подальше, все у тебя будет хорошо, вот увидишь! Слышишь, что ли?

– Слышу, – тихо отозвалась Марина. В голове у нее все окончательно перемешалось – благодарность, гадливость, сочувствие, собственная беспомощность, когда ни себе, ни этой, прежней, оставшейся в прошлом Женьке помочь ничем не можешь, а как хочется и ей помочь, и себе заодно, как хочется – не передать! – Женья, – неожиданно для самой себя спросила Марина, – а скажи, рожать очень больно?

– Да ну, – фыркнула Женья, – и совсем даже ничего такого. Придумывают больше. Для важности. В жизни много чего и похуже бывает. Да не думай ты сейчас об этом, говорю же тебе: у тебя теперь все будет хорошо.

Из кухни Марина снова возвратилась в столовую, которую по предыдущему опыту у нее были все основания считать центром здешней жизни. Огромный полированный дубовый стол, тщательно вытертый их с Женькой руками, блестел в лучах яркого полуденного солнца. Лишь матово выделялись на его поверхности круги от неосторожно поставленных когда-то кем-то кастрюль.

В столовой никого не было. Марина на цыпочках подошла к роялю, тихонечко откинула крышку и осторожно нажала на клавишу. Инструмент отозвался неожиданно чистым глубоким звуком. Воровато оглянувшись, Марина села на вертящийся стул, нажала на демпфер и вполголоса заиграла. Она не очень-то хорошо играла, вообще давно к клавишам не прикасалась, но тут, когда такой красавец стоит прямо перед носом, — тут уж как удержишься?

Слушать, впрочем, все-таки было можно. Во всяком случае, закончив, Марина убедилась, что, несмотря на демпфер, послушать ее пришли, да что там, слетелись на звуки музыки как бабочки на огонь. Более того, на окруживших ее лицах нарисовано было явное желание слушать дальше.

Оглядевшись, Марина не без удовольствия отметила присутствие Валерьяна с Соней на руках. Чуть поодаль, опершись о подоконник и покусывая кончик косы, стояла Джейн.

У самых дверей, изю всех сил стараясь не шуметь, застыл Кит с близнецами, за их спинами, практически уже за дверью, угадывался Димыч. Видно его не было, но заговорил он, тем не менее, первым.

– Ты хорошо играешь, – сказал он. – Еще что-нибудь сыграй.

– А ты петь умеешь? – спросила Соня. – Лучше спой нам песенку.

– Песенку? – Марина засмеялась. Ей стало неожиданно весело, как будто все печали и тревоги отступили, стоило ей почувствовать хоть в чем-нибудь над кем-нибудь превосходство, пусть даже в такой скверной игре – зато на таком роскошном рояле! – и пусть даже над такими совсем еще маленькими детьми. Все равно, они ведь были здесь у себя дома и потому были здесь, конечно, главнее Марины, да они этого и не скрывали. А вот зато играть они не умели. Совсем-совсем. Хотя бы даже так, как Марина. И она запела. Сперва спела Соне про розового слона, потом Димычу про трех танкистов, напоследок близнецам, которые попросили что-нибудь по-иностранному, про Билли Боя.

Валерьян, слушая Марину, все время молчал, и она с грустью заметила, что вообще за весь этот день он еще не сказал ей ни слова – а скоро уже полдня пройдет. Но грусть эта сейчас же отошла, отступила куда-то на дальний план. Марина видела, как блестят глаза у Сони, и вспоминала себя в этом возрасте. В какой восторг она приходила малышкой,

когда при ней кто-нибудь играл! Мысль о том, что она, Марина, способна вызвать в ком-то это всепоглощающее, пьянящее чувство восторга, прямо-таки окрыляла Марину и давала ей возможность примириться с такой непреложной и совершенно ужасной истиной, что роли окончательно и бесповоротно переменены. Отныне и никогда уже не сидеть Марине у кого-то на ручках, не смотреть так восторженно, не слушать так самозабвенно такую, прямо скажем, далеко не самую виртуозную игру. Да ведь оно не важно, какая игра! Важно лишь то, что играют не где-то там, в мертвом безвременье кассет или дисков, а прямо при тебе, здесь и сейчас.

Марина допела и доиграла близнецам на бис Hello, Dolly, и едва успел отзвучать последний аккорд, как над самым ее ухом раздалось:

– Браво! Ай, браво!

Мгновенно вся сжавшись, Марина испуганно обернулась. У нее за спиной стояла Алена.

– А я и не знала, что ты играешь! Валька, а ты почему не рассказывал?

– А я и сам не знал, – признался Валерьян.

– Эх ты! Ну будет кому теперь играть с Ольгой в четыре руки. А то я к этому бегемоту со школы не подхожу. Одно время как-то на гитаре больше, а теперь и вовсе забросила. Руки как-то не доходят.

Алена как-то не слишком натурально вздохнула и вышла так же бесшумно, как и вошла.

– Сыграй еще что-нибудь, Марина! – попросила Соня.

Марина улыбнулась:

– В другой раз, маленькая! – И – была не была – сама первая заговорила с Валерьяном.

– Ну а ты где бродишь все утро?

– А что? – настороженно ответил Валерьян.

– А то! – в тон ему отозвалась Марина. – Бросил меня на съеденье здешним тиграм, а сам исчез.

– Тиграм? – искренне изумился Валерьян. – Это Женька тебе, что ли, тигр? Да ее саму кто захочет съест.

– Не только Женька. Сам же говорил – у вас тут куча народу. И вообще, приехали вроде вместе, а ты меня и не замечашь будто. – В голосе Марины помимо ее воли слышались слезы.

– Ну-ну, ты мне только истерик не закатывай, мышь.

Валерьян аккуратно поставил Соньку на пол и, быстро подойдя, обнял Марину.

– Ну чего ты, мышь глупая? – бормотал он, ласково целуя ее в сами собой закрывающиеся глаза. От такого знакомого «мышь» у Марины защипало в носу, из-под сомкнутых ресниц показались слезы. Она виделась сейчас самой себе всеми покинутой, совсем маленькой и несчастной. «Сейчас же, немедленно перестань плакать!» – как в детстве, твердила себе Марина, и, как в детстве, ничего у нее не получалось. Слезы катились градом, плечи вздрагивали.

Валерьян вконец растерялся. Он гладил ее по спинке, це-

ловал, говорил всякие ласковые слова и словечки – ничего, однако, не помогало. Ей просто необходимо было выплакаться, и все. В конце концов это стало понятно и Валерьяну. Усевшись в глубокое, почти как у него дома, кресло, он усадил Марину к себе на колени и качал ее, убаюкивал, как маленькую. Дети стояли молча, ничего не говоря и ни о чем не спрашивая, потом вообще куда-то исчезли. Наконец-то они остались вдвоем – Марина и Валерьян. Ей столько надо было ему сказать, о стольком расспросить! Но она ничего не говорила и ни о чем не спрашивала, просто плакала, молча прижимаясь к нему все теснее и теснее и молясь про себя: только бы, только бы никто сюда сейчас не вошел!

И никто не вошел.

Они сидели так долго, до самого гонга на обед.

Заслышав сигнал, Валерьян ласково поднял Марину с колен и осторожно, как Соню, поставил на пол. Тыльной стороной руки Марина стерла остатки слез с покрасневших глаз и послушно села туда же, где сидела за завтраком, рядом с Денисом. Валерьян улыбнулся ей через стол и, сразу отвернувшись, заговорил о чем-то с Никитой.

Сразу после обеда, не дожидаясь, пока уберут со стола, Денис подмигнул Марине, и она послушно вышла за ним, вся дрожа от самых разнообразных предчувствий. Ей показалось, что когда они выходили, то абсолютно все посмотрели им вслед, однако никто не сказал ни слова. Они молча поднялись на второй этаж и двинулись по такому же длинному, как внизу, коридору. Поскрипывали под ногами рассохшиеся паркетины, из дальнего, в самом конце коридора, окна, занавешенного пыльной желтой занавеской, лился тусклый свет. Под ковриком, лежавшим перед одной из многочисленных дверей, Денис уверенным движением нащупал ключ. Замок щелкнул, и коридор затопило потоком света. За дверью была комната, две стены которой представляли собою сплошное окно.

– Вот, – с удовлетворением отмечая Маринину растерянность, сказал Денис. – Такая здесь дикая архитектура. Зима кончится, буду тебя по здешней крыше гулять водить. Здесь у нас «площадка второго уровня». Это вот окно – оно, видишь ли, еще и дверь. Нравится?

– Да, – искренне ответила Марина. Остальные две стены и пол были ярко освещены – да что там, до краев напоены солнцем. Почти вся обстановка – почти никакой обстановки не было – была из светлого дерева. От одной стены по-

чти до середины комнаты тянулась внушительных размеров кровать под серебристо-зеленым покрывалом. Над кроватью висела огромная, написанная светлыми чистыми красками картина, изображавшая город в долине, – красивые старинные здания, причудливо разбросанные между склонами фиолетовых и розовых гор.

Вплотную к одной из стен-окон стояло старинное бюро из чего-то вроде ясеня или дуба с затейливыми узорами по краям откидывающейся крышки. Вплотную к бюро было придвинуто отполированное руками и задами множества людей низкое деревянное кресло. Единственным ярким пятном выделялся лежавший перед кроватью небольшой желто-черный пушистый коврик. Больше ничего в комнате не было, если не считать крючка на двери. За крючок были зацеплены плечики, на которых висел десяток аккуратно выглаженных белоснежных рубашек.

– При здешней жизни иной раз по три раза на дню рубашку менять приходится, – пожаловался Денис, устраиваясь в кресле и жестом указывая Марине на кровать. – Хорошо хоть машина стиральная есть.

«А гладить? – подумала Марина. – Неужели он сам их гладит?»

Она бросила взгляд за стену-окно. Внизу малыши неумело и азартно строили снежную бабу под руководством Алены и Валерьяна. Вокруг них кругами носился Руслан. Чуть поодаль стояла синяя коляска.

– Ну-с, – начал Денис, откидываясь на спинку кресла и явно настраиваясь на долгий разговор, – вот, значит, тебе моя обитель. Тут тебе и мастерская, и приют любви, и родильный зал, если хочешь. – Подметив Маринино смущение, Денис довольно рассмеялся, но тут же успокаивающе произнес: – Ну ладно, ладно, извини, больше не буду. Давай лучше о деле.

– О деле? О каком деле? – Маринины брови недоуменно поползли вверх.

– Вот видишь ли, Марина, – в голосе Дениса зазвенела знакомая уже Марине по утреннему разговору металлическая интонация. – Врач-то я, конечно, еще будущий, но другого-то здесь нет! И поскольку Валька привез тебя сюда, а ты как бы решила остаться, – стало быть, я теперь за тебя отвечаю. Как носить будешь, как рожать. Понимаешь?

Марина кивнула.

– Ну раз понимаешь, то и хорошо, – голос Дениса зазвучал вкрадчивее и в то же время еще жестче. – Потому что, видишь ли, теперь ты должна мне все про себя рассказать, а я тебя должен осмотреть.

– Как осмотреть? – не поняла сначала Марина.

– Ну как – как врач осматривает. – Денис усмехнулся.

Щеки Марины залило краской. Она сидела ошеломленная, не в силах вымолвить ни слова.

Молчание явно затягивалось. Слышно было, как противно жужжит муха под потолком. Потом где-то рядом хлопну-

ла дверь.

– Послушай, – снова заговорил Денис. – Рассуди сама, ты же разумный человек. До города отсюда далеко, ну случись что с тобой, кого где мы станем искать? Потом, извини меня, справки справками, но вдруг они что-нибудь перепутали? С них ведь станется, уж можешь мне поверить! Медицина-то у нас, сама знаешь, бесплатная. А я должен точно знать, чего там у тебя, как и сколько. Ну, понимаешь?

Марина по-прежнему молчала, опустив голову и глядя в пол.

– Ну ты что, боишься меня, что ли? Послушай, ведь я сделаю это гораздо осторожнее, чем эти бараны из консультации. Даю тебе честное слово, что ты ничего даже не почувствуешь, ну клянусь тебе!

В ответ он по-прежнему не услышал ни звука.

– Ну забудь ты о том, что я парень! Думай только о том, что я врач, – по крайней мере, пока тебе самой не захочется думать как-нибудь иначе. Вспомни, сколько я тут уже родов принял. – Заметив, что Марина как будто уже колеблется, Денис проворно слез со своего кресла, опустился на корточки и снизу вверх просительно заглянул ей в глаза. – Ну что, уговорил?

– А нельзя как-нибудь без этого?

Остатки колебания явно терялись на общем фоне согласия, ясно различимого в Маринином голосе.

– Нельзя. – Денис покачал головой. – Да не дрожи ты так!

В консультацию же идти не боялась.

– И что, ты вот прямо сейчас будешь меня смотреть? – На Маринином лице нарисовался такой ужас, что Денис явно с трудом удержался, чтобы не рассмеяться.

– Ну что ты! Сначала я тебя просто поспрашиваю, поговорим о том о сем, «как вас зовут, сколько вам лет»... – И, незаметно снова переходя на деловой тон: – Месячные-то со скольких лет у тебя?

– С четырнадцати, – старательно унимая дрожь в голосе, ответила Марина.

– Установились сразу?

– Да вообще-то и до сих пор не установились.

– А половой жизнью ты с каких лет живешь?

– С этого года.

Отвечая, Марина старательно собирала стыд в кулак и прятала его в подсознание.

– И Валька у тебя первый или до него еще кто-то был?

– Первый. – В голосе Марины явно прозвучало произнесенное «а как может быть иначе?»

– И как тебе это дело, нравится? – благополучно игнорируя это произнесенное, продолжал Денис все тем же деловым тоном.

– Ну... – Марина замялась. – Вообще-то да.

– А ты всегда кончаешь?

– Как? – не поняла Марина.

– Ну... Ты что, будешь мне сейчас лапшу на уши вешать,

что не понимаешь, о чем я? В конце концов, все мы приходим в половую жизнь с изрядным опытом онанизма, что, скажешь, нет?

– Не скажу.

– И хорошо, а то бы я не поверил. Так я повторю свой вопрос: всегда ли ты кончаешь?

– В смысле с Валея, а не когда я сама? – уточнила Марина, незаметно для самой себя углубляясь в исследование данной темы.

Денис кивнул.

– Вообще ни разу.

– Так. – Денис побарабанил пальцами по колену. – Давненько я собирался Вальке уши оборвать, да все как-то... Ну ладно, поехали дальше. Месячных у тебя давно нет?

– Не знаю, – виновато ответила Марина.

– Как не знаешь?! Ну да, цикл же у тебя нерегулярный... И календаря ты, конечно, тоже не ведешь. (Марина уныло кивнула.) Ну видишь, раз так, я тем более должен тебя осмотреть. – И, видя, что Марина снова начинает колебаться, заторопил, не давая опомниться: – Ну хватит тебе, ты что, думаешь, я баб не видел, что ли?

Мучительно краснея, Марина потянула молнию на джинсах. Денис подчеркнуто отвернулся, всем своим видом показывая, что ни сам процесс ее раздевания, ни что у нее там, под одеждой, его ни капельки не интересует и что в голове у него только дело, сказал же уже. Однако обернувшись спустя

минуту к Марине, Денис не выдержал и присвистнул. Заметив, что ее опять затрясло, он легонько похлопал Марину по по-прежнему одетому в коричневый обтягивающий свитер плечу.

– Ну не буду, не буду. Хотя, честное слово, с такой фигурой я бы не стал так стесняться.

«Ха! – подумала Марина, неожиданно приходя в себя и обнаруживая, что ей как-то все все равно. – Можно подумать, у него у самого фигура хуже».

– Развернись, пожалуйста, к свету, – еле слышно сказал Денис, устраивая ее на кушетке, как ему было удобнее. Пальцы его нежно, не причиняя боли, проникли в нее. Мускулы Марины рефлекторно сжались. – Расслабься, – нежно, совсем не по-врачебному прошептал Денис.

– Не могу, – так же шепотом ответила Марина, и зубы ее слегка застучали.

– Но ведь я так тоже не могу. Положи руки на грудь.

Марина послушалась, гадая про себя, что скорее подействует расслабляюще: отключиться от всего происходящего или же, наоборот, сосредоточиться на том именно факте, что ее осматривает не кто иной, как Денис.

– Умница! – прошептал он, продвигая пальцы вглубь и другой рукой осторожно ощупывая живот. – Ммм, – пробормотал Денис, убирая наконец руки. – Ну, аборта делать я бы уже не стал. (И было непонятно, не стал бы на месте врача или на месте Марины.) А так все в порядке. Полежи минут-

ку, я еще бедра смеряю.

Покончив и с этим, он удовлетворенно сказал:

– Ну что ж, особых проблем покамест не предвидится. И... Теперь, если ты хочешь... – Его рука снова прошла там, где была, только на сей раз легко, дразняще.

– Нет, – сказала Марина, собираясь изо всех сил.

– Нет? Ты уверена?

Рука повторила свой путь, и Марине пришлось закусить губу, чтобы не застонать. Сказать она, таким образом, ничего уже не смогла, однако отчаянно замотала головой.

– Ну хорошо. – Денис пружинисто встал и отошел от кровати, давая ей возможность одеться. – Но имей в виду, тебе стоит только захотеть, и... В любое время. Когда я тут, конечно. – Он слегка поклонился и сразу посерьезнел. – В общем, все пока, как я и надеялся. Пока все ок. Сейчас главная твоя задача – двигайся больше и смотри не растолстей. А витамины мы тебе добудем. Со школой решила?

– Бросаю. – Марина тяжело вздохнула.

– Да? Ну это мы еще поглядим. Одна такая уже бросила. Но имей в виду, справки буду тебе доставать исправно и на подольше. Нечего тебе там засиживаться. Попробуй учиться здесь, а по мере необходимости ездить сдавать, глядишь – и проскочит. Ты как училась-то? На медаль, небось, шла?

– Я похожа на человека, шедшего на медаль? – ужаснулась Марина.

– Нет, конечно. Я просто так спросил. Но нормально хоть

учишься-то?

– Вообще-то да.

– Ну тогда справишься. А то куда ты после без аттестата? Неровен час, эта крыша над нами обвалится. Потом сама рада будешь.

– Да кто бы спорил.

– Ну там поглядим. – Денис потрепал ее по щеке. – На ближайшие две недели я достану справку, потом каникулы, а дальше видно будет. Главное – не толстей. – И, уже открывая дверь, поторопил: – Ну что, идем? Или как?

– Идем, конечно. – Марина рассмеялась. Ей вдруг стало легко-легко. За стеной-окном над забором и лесом разливался багровый закат. Снизу уже слышались детские голоса.

Марина спустилась вниз, посидела немножко в пустой столовой. Играть больше не хотелось. Темнело, а она не знала, где у них выключатель. Настроение у нее здесь странно скакало вверх-вниз. Однажды, во взрослых гостях, с родителями, она как-то незаметно для всех и, главное, для самой себя умудрилась напиться. Тогда у нее точно так же заскакало настроение – все хотелось то смеяться, то плакать. Она тогда, кажется, кричала на родителей. Ну да, и отдельно на папу: «Ты, козел, ты ж меня и не видишь совсем, ты смотри, ты же сквозь меня смотришь, ты же меня на улице не узнаешь, я же твоя дочь, в конце концов! Ты хоть, как зовут-то меня, еще помнишь?!» Мама все порывалась ее успокоить, отец молчал и смотрел по-прежнему в сторону, не хотел смотреть на Марину. Тогда она оттолкнула маму – сильная стала, черт, за это лето, – ухватила отца за гладкие – не уцепишься, – донельзя выбритые скользкие щеки, развернула к себе лицом и заглянула в глаза – а хотела бы в душу. Глаза были светло-зеленые, водянистые, рассеянные – кажется, добрые? На самом доньшке, пожалуй, добрые. А так, с поверхности и до самого этого доньшка неожиданно, пугающе пустые. И не было в зрачках даже Маринино отражения – свет, что ли, как-то не так падал? Марине до сих пор помнилось то жуткое, щемящее ощущение ужаса от этой пустоты. Как, каким

образом там могла быть такая пустота? В конце концов, ведь это же папа! Свой, родной, любимый, с детства близкий, ну, может быть, немного рассеянный.

Напуганная, сама словно опустошенная этим спьяну сделанным открытием, Марина вдруг протрезвела. Дул холодный, пронизывающий ветер – первый холодный вечер после теплого лета. Модная длинная юбка прилипла к коленям, обрисовав странно подлинневшие, какие-то словно бы чужие ноги – холодные, покрытые гусиной кожей. Тогда, в завершение того пьяно-трезвого вечера, ей ведь тоже довелось поплакать на плече – на мамином, по-прежнему мягком и теплом, пересчитывая губами знакомые родинки. И даже спала Марина в ту ночь не одна – мама взяла ее к себе в постель. А ночью Марину рвало, и она еле успевала вскакивать, перелезая через спящую маму, добегать до ванной. И все-таки потом, когда отпускало, она снова и снова возвращалась туда же, под теплый мамочкин бок – хотя и ходить было дальше, чем из своей комнаты, и стремно – вдруг не успеешь добежать в следующий раз. Папа не спал – пищал в своей комнате компьютером. Проходя мимо очередной раз, Марина не выдержала, заглянула – может, объясниться, на всякий случай еще разок заглянуть в глаза, спьяну-то, может быть, просто показалось. В дверную щель Марина ясно видела аккуратно стриженный затылок и экран компьютера с мечущимся по нему маленьким, словно бы испуганным человечком, человек куда-то бежал, в него стреляли, он был безоружен.

– У, суки! – прохрипел отец, как бы умирая. Марина в страхе отшатнулась и скорей-скорей побежала к маме.

Утром все случившееся показалось кошмарным сном. В семье у них об этом никто никогда не вспоминал. Зачем же ей вспомнилось это сейчас? Марина не знала. Зачем вообще что-нибудь вспоминается? Одно было хорошо – домой после таких воспоминаний хотелось гораздо меньше. Пожить здесь еще... О боги! Ну что ж, здесь, по крайней мере, интересно. А вдруг они в самом деле здесь все не злые? А вдруг они здесь все хорошие, добрые? Скажете, так не бывает? Ну а что, по-вашему, тогда бывает? Дач таких с каминами, комнат, как у Дениса, девушек, как Алена, вы много их видели? Откуда вообще вы все всегда заранее знаете, чего бывает, а чего не бывает? С какой стати на всем заранее ставите крест? Эх, вот если бы все здесь было хорошо! Марина бы тогда их всех так любила!

Интересно, на кого будет похож ее ребенок? Хорошо бы на Марину – сама она похожа на маму. Не дай бог, будут у него глаза косые или пустые. Хотя что, собственно, такого, если будут? Марина его и таким будет любить. Уж как-нибудь приспособится, и любовь свою приспособит. А если он будет злым? И тогда, конечно, как-нибудь. Любит же Женя своего Димыча, хотя сама его, как посмотришь со стороны, как будто даже немножко боится.

Ох и как же все это будет, когда оно все будет? И насколько легче было бы все, если бы она на самом деле, по-насто-

ящему вышла замуж!

Так ей тогда казалось.

Скрипнула дверь, в столовую вошел Валерьян. Подошел к Марине, сел на подлокотник ее кресла, обнял, потерся носом о плечо.

– Ну что, мышь, пришла наконец в себя?

– Ага. А ты где был?

– Так. Гулял. – На лице его опять расплылась улыбка. – К лошадям вот ходил. Ты ведь их и не видела еще.

– Нет. А что, здесь есть лошади?!

– Есть. А ты что, ездить умеешь?

– Нет. Если только чуть-чуть.

– Ишь ты, чуть-чуть. А чуть-чуть ты когда успела?

– К бабушке ездила прошлым летом, к двоюродной. Она в деревне живет. Там считается, что город, а на самом деле деревня самая настоящая. У нее конюшня прямо за домом была. Мы там с парнем одним целый месяц коров верхами пасли.

Марина ожила от этих воспоминаний, щеки ее порозовели, глаза заблестели. Как многие люди, улыбаясь, Марина хорошела. Валерьян смотрел на нее, и она ему сейчас очень нравилась, он даже почти забыл о том, что было на самом деле для него сейчас главным: то, что он был дома, у себя, у своих. Впрочем, чего это он? Бог даст, и Марина станет здесь своей. И тогда этой нежности не нужно будет стыдиться. Ни

перед людьми, ни перед собой. В сущности, она ведь совсем неплохая девочка, эта Марина. Куда лучше многих.

«Здесь есть лошади, – думала тем временем Марина. – Убиться можно, лошади, настоящие, с копытами! Нет, дура она будет, если уедет сейчас отсюда, не поездив верхом хоть капельку, не потрепав этих лошадей по холкам, потерять единственную в жизни, уникальную возможность пожить в доме, где есть лошади! Нет уж, дудки! Пусть ее тут хоть поездом едят, никуда она не уедет».

– Валь, а Валь, – запинаясь и краснея от важности просьбы, начала Марина. – А можно... Сейчас... А пошли сейчас к лошадям, – выговорила она наконец.

– Завтра,мышь. Мы ведь их уже покормили и конюшню заперли. Идти сейчас, свет зажигать, они нервничать будут. Потерпи до завтра, хорошо?

– Хорошо, – покорно согласилась Марина, заметно снижая. Навалилась вдруг усталость, захотелось спать, и пускай поскорее завтра! Марина зевнула.

– Ты чего это? Опять спать пойдешь раньше всех? До ужина еще жить и жить, а она уже зевает.

– Устала я что-то, людей тут у вас много очень.

– Это правда. Чего-чего, а людей тут хватает.

И снова неслышно, как в прошлый раз, словно пройдя сквозь стену, перед ними возникла Алена.

– Валя, – сказала она, даже не взглянув на Марину. – Ты что же это? Вода уже нагрелась, все собрались, одного тебя

ждем.

– Ах, черт, совсем из головы вон! – Валерьян поспешно вскочил.

– Вы куда? – спросила Марина.

– Детей купать, – равнодушно, уже вся в предстоящих хлопотах, бросила ей Алена. Но тут же, словно спохватившись, обернулась: – А то приходи, может, тоже поможешь чем.

– А можно? – рванулась Марина. Она уже опять устала одной, ей хотелось снова к людям, к тем, которых много, куда-нибудь в сутолоку, в толчею. Усталости как не бывало. Марина вдруг поняла, чего ей здесь не хватает. Тут все что-нибудь делали, у всех было свое какое-то место, предназначение. Здесь было мало быть просто беременной, чтобы стать своей, здесь надо было быть полезной.

Ванная, куда они с Валерьяном даже не зашли, а только заглянули с порога, полна была пара, плеска и многоголосого смеха. У края ванны стояла Ольга в длинном клеенчатом фартуке и намыливала бело-розового белобрысого Ванечку. Мокрая крыса перебегала у нее с плеча на плечо, тщетно пытаясь увернуться от мыльных хлопьев. У другого конца ванны с душем в руках стояла Женька и смывала с одного из близнецов мыло. За спиной ее в облаке пара высился Денис с большим махровым полотенцем на изготовку. Слева от двери, в уголке, Алена раздевала Никиту, а абсолютно голая Сонька дергала ее за руку и вопила: «Я, я первая буду мыться! Я, я уже разделась!»

– Готово! – выкрикнула Женя.

Денис подхватил свежевымытого близнеца в полотенце и, на ходу вытирая, понес к дверям. Пацан визжал и брыкался. Денис замотал его поплотнее. При виде Валерьяна на Денисовом лице отразилось явное облегчение.

– А, явился – не запылится! Лучше поздно, чем никогда! А то что это, я и вытираю, я и в кровать таскаю, и спать тоже я укладываю. На вот, утаскивай его побыстрее, и бегом за следующим!

Денис сунул Валерьяну в руки брыкающийся махровый сверток и тут же снова исчез в облаке пара, плотно прикрыв за собою дверь ванной. Валерьян осторожно размотал с одного края полотенце. Показались рыжий мокрый чуб и два зеленых глаза.

– Ты кто у нас? – спросил Валерьян. – Сема или Степа?

– Степа. – Пацан захихикал.

– Врет он все, Степку я только что отнес, – снова вынырнул из ванны Денис, на сей раз на руках у него был Ванечка. – А чего это ты лясы вздумал точить? Мало того что опоздал. Вот кто теперь Ивана спать понесет? Сызнова я, что ли?

– А мне можно? – несмело вызвалась Марина.

– Конечно, можно! – не скрывая радости, выдохнули в один голос Денис с Валерьяном.

– А куда его нести? – спросила Марина, осторожно принимая у Дениса малыша, туго запеленатого в полотенце.

– Валька покажет, – торопливо бросил Денис. – Я пошел

Кита вылавливать.

– Пошли и мы, что ли, – сказал Марине Валерьян, двигаясь куда-то в сторону столовой.

Марина едва поспевала за ним, изо всех сил стараясь не отставать, осторожно прижимая к груди свою тяжелую тепленькую ношу. Малыш что-то засопел. Марина на ходу чуть приоткрыла полотенце. На нее уставились темно-синие глазки. Пунцовые губки плотно сжаты, соболиные бровки нахмурены. «До чего ж тут красивые детки!» – с умилением подумала Марина и невольно потянулась поцеловать. Из размотавшегося в ее руках полотенца немедленно вынырнула пухлая ручонка и довольно-таки сильно толкнула Марину в грудь. Марина ойкнула и чуть не выронила сверток.

– Осторожней! – не оборачиваясь, проговорил Валерьян, и Марина неловким, судорожным движением так крепко притиснула малыша к груди, что тот охнул.

– Говорю тебе – осторожней! – На сей раз Валерьян обернулся и резким жестом закинул Марине на плечо волочившийся по полу хвост полотенца. – Не дрова ведь несешь!

Да уж конечно, не дрова! Разве дрова могут так изумительно пахнуть, так тепло шевелиться в руках, так сопеть и смотреть так сердито?

Тем временем они миновали дверь в столовую, повернули налево и оказались в неизвестном еще Марине ответвлении коридора. Стены здесь были выкрашены голубыми и розовыми разводами, пол был завален вывалившимися из стенного

шкафа игрушками, Марина едва не споткнулась о трехколесный велосипед. Заканчивался этот коридор темно-вишневой дверью, которую Валерьян ловко распахнул ударом ноги.

За дверью находилась детская. Это было ясно сразу, хотя такой детской Марина никогда не видела и даже не воображала. По всем стенам, от пола до потолка, на светло-сером, почти прозрачном, как воздух, фоне изображался райский сад. Во всю противоположную от двери стену высилось и ширилось гигантское дерево, обвитое снизу доверху змием и густо увешанное сине-красными яблоками. На стене слева стояла Ева, высокая, обнаженная, вся розовая, в желтых и белых солнечных бликах. Она протягивала яблоко Адаму, занимавшему стену справа и с жадностью тянувшему к Еве сильные, узловатые ярко-розовые руки с синеватыми бицепсами. Впечатление было, что эти двое так и рвутся друг к другу, а дерево и змий не дают им соединиться, и из-за этого они просто вынуждены обмениваться чем-нибудь на расстоянии – теми же яблоками, например.

Вдоль этих замечательных стен, совсем теряясь на их фоне, разбросаны были кровати: много узких детских коечек, не подходящих друг другу, разноцветных, разнотипных и разнокалиберных, типичная «мебель для дачи».

– Клади его вон туда! – скомандовал Валерьян, указывая Марине на одиноко стоящую в углу младенческую кроватку, такую старую, бог мой, еще довоенную – с опускающейся веревочной сеткой вместо привычных деревянных прутьев.

Кровать была уже постелена. На подушке лежала пестрая байковая пижама с розовыми и зелеными слониками. У Марины у самой была когда-то такая. Марина развернула полотенце и осторожно, как дорогую куклу, одела малыша, флегматично протягивавшего ручки-ножки. Покончив с этим, Марина уложила Ванечку на подушку, укрыла одеялом и повернулась было уходить, но уже на пороге ее догнал басовитый требовательный голос:

– Сосу!

Марина беспомощно обернулась к Валерьяну.

– Под подушкой должна быть! – крикнул он, стремительно исчезая в дверном проеме. Дверь за ним закрылась. Под подушкой соски не было. Ванечка начал подвывать. Близнецы из своего угла противно захихикали одинаковыми головами.

В отчаянии Марина перевернула всю кровать, с трудом перегнувшись через не по-современному высоченный бортик, потом опустилась на четвереньки и облазила все пространство под и вокруг – ни намек на соску. Ванечка уже откровенно ревел во все горло.

– Ну что тут у тебя? – спросил вернувшийся с Китом Валерьян. – Что он орет-то?

– Соски нету! – В Марининых глазах стояли слезы.

Наскоро уложив Кита, Валерьян сам принялся за поиски, бросив перед этим на Марину уничтожающий взгляд. Однако он нашел не больше нее. Близнецы уже просто стонали

от смеха, Кит с готовностью присоединился к ним. Валерьян высунулся из детской и громко, буквально на весь дом, рявкнул:

– Ольга! Ты куда соску задевала, мать твою так!

Марина невольно поежилась. Крепких выражений она не любила, ни дом, ни школа ее к ним не приучили, и теперь ей сделалось отчаянно неприятно. Так громко, да еще при детях! Дети, правда, и глазом не моргнули, продолжая отчаянно веселиться. Еще бы – такой цирк, да еще перед сном, небось не каждый день бывает.

Валерьян же, случайно взглянув на Марину, смутился.

– Извини, пожалуйста, – неловко пробормотал он.

Дальнейшее потонуло в истошном вопле доведенного до ручки Ванечки:

– Сосу дать!!!

Наконец появилась Ольга, неся в руках вожаемый предмет. Она так спешила, что крыса не смогла удержаться на ее плече, сползла на шею и царапала теперь белоснежное Ольгино горло острыми коготками передних лапок. Хвост ее в тщетных попытках удержать равновесие буквально ходил ходуном. Ловко, как затычку, Ольга сунула соску в широко разинутую вопящую пасть, и в комнате сразу же воцарилась благодатная тишина.

– Надо же! – пробормотала в наступившей тишине Ольга. – Совсем забыла, что он после обеда спал у меня, а не здесь.

Марина, у которой с непривычки еще стоял в ушах детский вопль, потрясла головой, медленно приходя в себя. Все трое, не сговариваясь, резко повернулись и поспешно вышли, не глядя ни друг на друга, ни на детей, и в дверях едва не столкнулись лбами.

Вечернее купание и укладка детей знаменовали в Крольчатнике конец рабочего дня. Покончив с этим гвоздем программы, все, так или иначе, снова сбросились в столовую. Все казались усталыми, даже Руслан не прыгал и не скакал, как утром или за обедом, а сразу тихо лег в угол между окном и роялем и задремал, вытянув могучие лапы. Розовое нижнее веко прикрывало глаза, и от этого они казались страшными, налитыми кровью, хотя на самом деле он сейчас просто спал и ни о чем таком даже не думал.

Валерьян и Денис принесли дрова, растопили камин, в центре стола возник вчерашний серебряный чайник, появился – также чудо из чудес – настоящий самовар, огромный, пузатый, прямиком со страниц детской книжки.

Рассаживались не как за обедом или завтраком, а так, в беспорядке, и вообще не за стол. Ольга с Денисом устроились на коврик перед камином. Валерьян полулегал на край дивана, поближе к Ольге. Женька села за спиной у Дениса, как всегда, на самый краешек стула, точно готовясь вот-вот вскочить и куда-нибудь за чем-нибудь побежать. Алена забралась с ногами в самую глубину единственного в столовой кресла и тщательно расправила на коленях узкую черную юбку. Ольгина крыса осторожно сползла с хозяйского плеча сначала на колено, а после на пол и в конце концов со-

всем по-собачьи растянулась перед огнем, вытянувшись, как неживая. Голый хвост был явно длинней всего прочего тела.

Марина сидела на диване, привалившись головой к его мягкой плюшевой спинке, пристроившись прямо за спиной Валерьяна, упершись коленями ему в спину и время от времени слегка касаясь его рукой, просто чтобы чувствовать, что он здесь, никуда не девался.

Хотя была какая-то еда, самым важным для Марины был сейчас чай, невероятно крепкий и сладкий. Только теперь она поняла, как же ей хочется пить! Кроме того, наверное, от всех переживаний Марину слегка знобило. Чай же был горячий, прямо из самовара, и Марина тянула чашку за чашкой, чувствуя, как что-то оттаивает у нее внутри и ей становится хорошо, тепло и покойно.

Огонь в камине между тем постепенно разгорался. По краям поленьев расцвели жаркие, причудливые цветы, сучья затрещали, заполняя столовую звонким треском, странно ритмичным, словно какая-нибудь нездешняя музыка. От огня шел жар, лица у всех покраснелись, в зрачках заплясали язычки пламени. Склоненные над огнем фигуры как бы покачивались, слегка колебались в воздухе – должно быть, дым застилал Маринины глаза. Марина вытерла набежавшие от жара слезы и улыбнулась, обхватила Валерьяна руками за шею, прижалась к нему всем телом и всем телом почувствовала, что он ей отвечает, что сейчас ему с ней хорошо. Впрочем, с ней ли? Со всеми.

Все сидящие у огня казались сейчас единым целым. Сразу было видно, как им всем хорошо, как дружно они тащатся на огонь, по-кошачьи жмурясь и протягивая к нему ноги и руки. Огонь притягивал их к себе, он был сейчас здесь, в столовой, персоной номер один, как бы еще одним членом семьи, живущим среди них своей собственной, ни на кого не похожей жизнью. Как будто раньше, среди дня, он где-то пропадал, куда-то уходил по своим делам, а сейчас вот вернулся и пришел в столовую посидеть со всеми, и все тоже, как бы соскучившись, потянулись к нему.

Один только пес по-прежнему оставался в своем углу. Наверное, у огня ему было бы слишком жарко. Конечно – с такой-то шерстью.

Маринины глаза скользили медленно, в ленивой полудреме с одного на другого. Женька, Денис, Ольга. Алена, Валерьян, крыса перед самым камином, пес, спящий в своем углу. Ой, а это еще кто? Бок о бок с крысой дремал невесть откуда взявшийся огромный чернющий кот. Крысья голова безмятежно покоилась на его мощной пушистой лапе. «Волк и ягненок, – усмехнулась Марина, – экий тут рай!» Глаза ее стали сами собой закрываться, она поплотней обхватила Валерьяна за шею, чувствуя себя буквально не в силах противиться дальше сну. Никого она тут больше не боялась. Все они сейчас были словно старшие братья-сестры. И совсем-совсем не стыдно было при них засыпать.

– Пойдем? – шепнул ей на ухо Валерьян. – А то ты у меня

опять уснешь.

– А что? – сонно пробормотала Марина. – Здесь нельзя спать, что ли?

– Мне бы не хотелось. – Он улыбнулся и встал, потягиваясь, протянул руку Марине, и она с трудом поднялась, не чувствуя под собою затекших ног, и медленно, спотыкаясь, выбрались они из столовой. Никто даже не обернулся.

На лестнице было прохладно, и Марина сразу проснулась, поежилась. Валерьян привлек ее к себе, на ходу согревая плечи своими непомерно длинными руками. Идти в обнимку было неудобно, но зато весело и приятно. Смеясь и чуть не падая, добрались они с грехом пополам до второго этажа, ощупью прошли по абсолютно черному коридору. Валерьян достал звякнувшие ключи, наугад вставил их в замочную скважину, распахнул дверь и с порога нащарил выключатель. Абажур из выдолбленной тыквы закачался под толчком, освещая комнату тусклым неровным светом. Стол, большая кровать, этажерка с книгами, перед которой Марина буквально застыла, пожирая заглавия глазами. Здесь было все, что бы ей хотелось прочесть, все, о чем она мечтала всю жизнь и все никак не могла ни купить, ни разыскать. Было похоже на сон.

– Эй! – окликнул Валерьян. – Мы же, кажется, спать шли?

– Ах... – сказала Марина. – Да... да, конечно.

Валерьян нежно развернул ее спиной к этажерке и нетерпеливо потянул кверху свитер. Марина послушно подняла

руки и закрыла глаза.

– Валька, а почему ямышь?

– А ты на нее похожа – маленькая, изящная, двигаешься бесшумно. У меня тут в комнате есть одна. Вот будешь тихо сидеть – увидишь. Я иной раз зачитаюсь – подниму глаза, глядь, а она уже по всей комнате шурует. Да быстрая какая! Раз-раз, и уже ухватила чего-то, потащила к себе в нору. А стоит пошевелиться – сразу исчезает, просто как проваливается сквозь пол!

– Может, она тебе просто чудится? И потом, у вас же здесь кот. Что ж он ее не ловит?

– Ну кот у нас тут лентяй, и на мышей ему наплевать. Ничего не чудится, нормальнаямышь, вылитая ты, особенно в профиль.

Утром оказалось, что ее одежда так и осталась лежать на полу, там, где ее снимали, этакой разноцветной горкой, в то время как одежда Валерьяна, начавшего раздеваться, только когда он уже уложил Марину в постель и укрыл ее, голую, дрожащую от холода, одеялом, – аккуратно висела на стуле. На сиденье стула исправно тикали часы, которые не забыли завести перед сном.

Лежа рядом с прижимающимся к ней Валерьяном, Марина внезапно почувствовала себя от него далеко-далеко. Ей вдруг вспомнились руки Дениса, его пальцы в глубине ее лона, рука, прощупывающая живот. Какими нежными, чуткими, все понимающими были пальцы этих рук, как они бы-

ли непохожи на грубые, жестковатые пальцы Валерьяна, чьи прикосновения то и дело причиняли боль. Марина поймала себя на том, что боится того, что сейчас произойдет – боится куда больше, чем в первый раз. Почудилось вдруг, что ей предстоит какая-то сложная хирургическая операция, и будь то бы для того, чтобы войти в нее, Валерьяну придется ее разрезать, а иначе ведь абсолютно невозможно, и представить себе нельзя как...

Но ничего такого, разумеется, не произошло. Как и в первый раз, все прошло бескровно и почти безболезненно. Сначала вообще ничего не было, а потом незаметно для Марины и почти против ее воли откуда-то из глубины стал подниматься жар, огонь, похожий на только что виденный в камине. Марина вздрогнула, подалась вперед, чувствуя, что ее захватывает и несет куда-то какая-то абсолютно незнакомая, чуждая сила, раскручивается в ней тугой пружиной и вот-вот вырвется, развернется совсем и ударит заостренными с обеих сторон концами – одним в пах, а другим в самое сердце.

Удар оказался мягким, словно оба конца были кем-то заботливо завернуты в мягкую, теплую, влажную вату.

– Что с тобой? – сквозь зубы, не открывая глаз, спросил Валерьян. – Что с тобой произошло?

– Не знаю, – честно ответила Марина.

Утром, еще до завтрака, они встали и пошли к лошадям. Это оказалось метрах в пятидесяти от дома, в самом углу, вплотную к забору. Высокая деревянная конюшня с сеновалом по обе стороны от входа. Внутри были два просторных денника и – о чудо! – в каждом по лошади! В деннике справа лошадь была темно-темно-гнедая, цвета горького безмолочного шоколада, нескладная, высоченная и до ужаса милая. Лошадь в деннике слева была гнедая просто, цвета обычной шоколадки, в белых носочках и с черной гривкой. Ростом эта лошадь была поменьше и вся как-то поуютнее.

– Ну вот, – представил их Валерьян. – Справа Цыган, а слева Зорька. Кто тебе больше нравится?

– Зорька, наверное, – сказала Марина, приоткрывая дверь денника и протягивая на ладони сухарик. Замирая от счастья, погладила она длинную замшевую морду, поцеловала украдкой бархатистую верхнюю губу.

– Седлать умеешь? – спросил Валерьян, доставая из угла седла и уздечки.

Марина смутилась:

– Не, не умею... Мы в деревне как-то так, без седла...

– Ладно, сейчас сделаем.

Но сделать он ничего не успел, так как дверь конюшни распахнулась и на пороге появился Денис.

– Так. Стало быть, правильно я вас вычислил. Валька, иди сюда, уши обрывать буду.

– А что? – В глазах у Валерьяна отразилось искреннее изумление.

– А то. Тебе как, ребенок еще нужен или нет?

– А при чем тут?..

– При том, что если Марина будет ездить да еще пару раз навернется, то я лично как врач ни за что не отвечаю.

– Подожди, а Алена?..

– Сколько власти у меня или у кого другого над Аленой, всем, я думаю, известно. И что эта бешеная себе позволяет, это, в конечном счете, ее дело. Вообще единственный способ объяснить что-нибудь Алене – это ее придушить. Но вот относительно вас обоих дело, кажется мне, не столь безнадежное.

Денис выжидательно замолчал.

– Как? – Валерьян обернулся к Марине.

Она растерянно пожала плечами. Наверное, Денис прав. Поездить, конечно, хотелось, но не настолько. В конце концов, само наличие поблизости лошадей – это уже немало. И все-таки...

– Послушай. – Видя, что Марина молчит и совсем расстроилась, Валерьян тронул ее за плечо. – Давай я тебя пока на лыжах вытащу, что ли? Тут такие места есть!

– Давай, – обреченно согласилась Марина. На лыжах она ходила отвратительно.

До завтрака они ходили на лыжах, после завтрака возились в детской с детьми, и все было хорошо. Ко времени обеда у Марины сложилось полное впечатление, что она жила здесь всегда, да и у остальных, кажется, тоже. За обедом в столовой неожиданно появился некто для Марины новый. Все уже сидели за столом, и дежурная в этот день Алена разливала по тарелкам суп. Вдруг дверь распахнулась, и на пороге появился молодой человек, невысокий, коренастый, с коротко остриженными черными кудрями, темно-кариими глазами навывкате и большим крючковатым носом. На нем были синие джинсы и клетчатая, черная с красным, фланелевая рубашка. На полных губах у него играла открытая улыбка.

– Илюша! – в один голос завопили Сонька и близнецы, и даже Ванечка что-то такое радостно загукал. Остальные реагировали не так бурно, но тоже явно обрадовались. А Ольга, хоть и ничего не сказала, но вся так и просияла, откинула назад вечно спутанные волосы, и они с головой укутали бедную, ничего плохого не ожидавшую крысу.

Он подошел к Ольге, осторожно выпутал крысу из волос, погладил ее по голове большим пальцем, почесал кончиком ногтя за ухом, чмокнул Ольгу в нос и, обращаясь ко всем, сказал:

– Ну вот, здравствуйте вы.

– Привет-привет, – откликнулся Денис. – А ты что, один приехал?

– Пока один. А там и Маша с Лёвой, бог даст, выберутся.

– У вас все в порядке? Она себя как чувствует? – на одном дыхании выпалила Алена.

– Да слава богу, а вы тут все как?

– Да как видишь, – тоже улыбаясь гордой такой улыбкой, проговорил Валерьян.

– Да, ты же Марину должен был привезти! И где ж она?

– А вот.

Попривыкнув за почти два дня, Марина даже не покраснела.

Покончив с приветствиями, Илья уселся на диван. Выражение на его лице было расслабленным и безмятежным, совсем как у Валерьяна в первые здешние минуты – ну вот, добрался человек наконец до дому.

– Илюша, ты рыбу будешь? – ласково спросила Алена.

– Рыбу? Ну давай, что ли.

На рыбу он набросился с жадностью, буквально чавкая и урча и чуть ли не вылизывая тарелку.

– Эх, други, и какой же я был голодный! Вам тут всем и не снилось, каким голодным может быть человек, сдавший с утра целых два зачета и так и не зашедший с тех пор домой.

– Но ты хоть позвонил? Маша-то знает, что ты сдал?

– А как же! Будь спок! Чтобы я да не позвонил? А что, не

подаст ли мне кто-нибудь гитару? Сейчас я вам что-нибудь сбациаю под настроение!

– Сбегай-ка, Джейн, – распорядилась Ольга.

– Мама, я еще не доела, – неожиданно воспротивилась Джейн, которая вообще-то всегда молчала.

– Сбегай-сбегай, потом доешь.

– Да я не знаю, где она.

– Как где? На своем крючке, где обычно.

– Да нету ее там! Нету-нету, я сегодня смотрела.

– Оля, сходи сама, – тихонько сказала Алена.

Ольга сердито передернула плечом, сняла с него крысу, резко поставила ее на стол и молча вышла.

– Что же это ты, Джейн? – спросил Илья. – Маму-то нужно слушаться.

– Оставь ее в покое, – резко бросила Алена.

За столом повисло молчание. Однако длилось оно недолго, потому что возвратилась Ольга с гитарой, и столовая огласилась перезвоном настраиваемых струн.

– И-эх! – выдохнул Илья, пробегаясь по струнам замысловатым перебором. – Чего бы вам такого сбациать? Что-то настроеньице у меня не очень. – И он запел «Магадан» Городницкого:

На материк, на материк
Ушел последний караван.

Может, это была и не самая веселая песня, но тоскливо от нее не становилось. Марине представилось, что вот она сейчас, на этой даче, отрезана от всего остального мира, цивилизованного и известного ей мира, – не так далеко от истины, как кажется на первый взгляд. А где-то там школа, и кто-то сейчас учит английский, готовится к завтрашнему уроку, тогда как она, Марина, завтра в школу не пойдет – и пойдет ли когда еще? Далеко-далеко в Москве люди едут на троллейбусе и в метро, толкаются и толпятся, терпеливо ждут свой номер на остановке, потом проносятся по шумной, режущей глаза разноцветьем улице или по темному, глубокому подземному туннелю. Господи, как она здесь от всего этого уже отвыкла, и всего-то за полтора дня! А то ли еще будет? Посмотришь – станет она здесь постепенно совсем другим человеком. Может, она тогда вообще не сумеет там жить? Вот было бы забавно! Где же она тогда будет жить? Впрочем, понятно где – здесь и будет, никуда отсюда не уедет. И чего она так всех тут поначалу боялась? И совсем Марина не удивилась, когда, допев про Магадан, следующую песню Илья запел на иврите.

Песню, которую пел Илья, Марина знала давно, потому что ее часто пел покойный дедушка Муля, мамин папа. Дедушка говорил Марине, что песню эту придумал лет двести назад какой-то раввин с Украины. Песня была о том, что весь огромный мир – это один узенький мост и что, когда ты идешь по нему, главное – это ничего не бояться.

Надо же – сколько ведь уже лет прошло, лет десять небось, не меньше, а Марина все еще помнит, как ей дедушка пел, как потом про песню рассказывал, как глухо звучал дедушкин голос в полутемной, заставленной старинной мебелью комнате, как колыхалась в такт словам дедушкина длинная, никогда не подстригаемая курчавая серебристая борода. «Так ты поняла, Мариночка, главное – это ничего не бояться».

Марина слушала знакомую с детства песню и незаметно для самой себя беззвучно шевелила губами, а Илья с удивлением разглядывал Марину темными внимательными глазами. Допев, он отложил в сторону гитару, набрал в грудь побольше воздуха и спросил:

– Марина, можно я тебе один вопрос задам?

– Задавай, конечно.

– Марин, ты только, пожалуйста, не обижайся, скажи – ты еврейка?

– Да как сказать. – Марина слегка смутилась. – Мама у меня еврейка. А что?

– Да ничего, собственно, просто я вот, понимаешь, тоже...

На миг над столом нависло неловкое молчание.

– Илюха, – Денис дернул Илью за рукав, – что я вижу?! Я смотрю, ты на чужих девушек заглядываться стал. А что скажет Маша?

– Да, – весело подхватила Ольга, – вот бы интересно послушать!

– А что Маша? Маша ничего не скажет. – Илья самодовольно рассмеялся. – Маша у меня воспитанная, послушная, не то что вы тут все.

– Смотри-ка, – возмутилась Ольга, – мы, значит, ему уже не нравимся!

– Да, забаловался, – поддержала ее до сих пор молчавшая Женья.

– По-моему, он нарывается, – с угрозой в голосе произнесла Алена.

– А спесь-то какая, спесь! – заговорил Денис. – Нет, девки, это в нем не еврейское. Это в нем не иначе как польская бабушка заговорила. Ты как считаешь, а, Валь?

– Вестимо, так, – со всей возможной серьезностью поддержал его Валерьян.

– Бабушка там или не бабушка, а спать он у нас сегодня будет один, – подвела итог Алена и покачала головой с выражением комической озабоченности на лице. – Давно, давно пора заняться его воспитанием.

– Да вы что? Все на одного, да? Человек, можно сказать, не успел приехать...

– А уже с порога на всех кидается, – закончила фразу Ольга. – Права ты, Женька, совсем он там, в Москве, одичал. Мы тут к нему со всей душой, а он, глядишь, нас скоро и за людей считать перестанет.

– Да вы что, в самом деле! – Последняя реплика Илью совсем уже доконала. Полное впечатление было, что он весь

этот стеб воспринял всерьез. — Да я же в шутку, честное слово! Да девки, сами знаете, для меня лучше вас никого на всем свете нет! Ну просто обрадовался я. Вот, вижу, родную душу встретил, а вроде не гадал и не думал. Ну и расчувствовался, понес невесть что. А так-то я и не думал даже, ну что вы, Оля, Аленка, а, что вы, в самом деле, ну простите вы меня, в конце концов!

— Простим? — Ольга посмотрела на Алену.

— Условно. Посмотрим на твое поведение. Ну гляди, одно лишнее слово — и будешь ночевать в своей пристройке, а там, между прочим, всю неделю не топлено.

Илья в притворном ужасе прижал ладони к вискам.

— Аленушка, не будь так жестока! Я же южный фрукт, я же замерзну, я же заболею, самим же потом придется меня выхаживать!

— И не надейся, вызовем твою Машу, вот пусть она тебя и выхаживает, — твердо сказала Алена.

— Да, повезло ей с тобой, ничего не скажешь, — притворно вздохнула Ольга и добавила уже всерьез: — Ей сколько осталось?

— Да уж меньше месяца.

— Бессовестный! — ахнула Ольга. — И что, она в пятницу одна с ребенком поедет?

— Да я вот Вальку хотел попросить, — несколько смущенно проговорил Илья. — Валька, ты как?

Валерьян несколько секунд промолчал, но, видя, что на

него все смотрят, сказал наконец с явной неохотой:

– Что ж, ладно, привезу тебе твою Машу.

На несколько минут за столом все опять притихли, уткнувшись каждый в свою тарелку. Слышно было, как дети потихонечку пересмеиваются о чем-то своем на другой стороне стола. Потом Никита громким и решительным голосом попросил добавки, Сонька закричала: «И мне, и мне!», ей завторили близнецы. Женя, заглянув в кастрюлю, объявила, что на всех не хватит. Поднялся нестерпимый галдеж и не стихал, пока Денис не поднялся и демонстративно не выплеснул остатки супа из кастрюли в свою тарелку, сказав при этом: «Ша! Я вот вам всем сейчас покажу, кто в доме хозяин!» Тогда все прыснули, и в столовой окончательно воцарилась благодатная тишина.

Марина помогала Алене собирать после обеда посуду, когда Валерьян, ушедший с обеда первым, неожиданно возвратился в столовую. Одет он был уже по-другому, стал суше и строже, подошел к Марине, легонько обнял за плечи, чмокнул в лобик.

– Ну все, мышь, я поехал.

– Как, уже? – Марина растерялась. Прежние страхи возвратились с новой силой. Как же это она останется тут без него, со всеми этими едва знакомыми людьми? И потом, надо же как-то предупредить маму, Марина ведь только на два дня уезжала, и вещей с собой почти никаких.

– Твоим я сегодня же позвоню, мышь, сразу же, как приеду, – твердо пообещал Валерьян, поняв ее беспокойство. – Объясню им как-нибудь, что-нибудь придумаю. Подошлю Сережку за твоими вещами, и к выходным все тебе привезу. Ну что ты, в самом деле, я же через три дня опять приеду.

От страха и острого нежелания расставаться – так сразу, после откровения вчерашней ночи, – почти не пообщавшись, ни о чем не поговорив, – остаться тут совсем одной – у Марины в глазах стояли слезы.

– Очень уж ты у меня плакать любишь, – с легкой досадой проговорил Валерьян, обнимая и целуя ее теперь уже по-настоящему.

Марину это не утешило, но она молча закусил губу и таким образом сдержала слезы. И в самом деле, чего это она? Небось не маленькая. Но, с другой стороны, ведь и не большая еще, правда?

– Пока, Валька, – с трудом сглатывая растущий в горле ком, сказала Марина. – Моим позвонить не забудь. И поскорей приезжай, хорошо?

– Это уж будь спок. Ну, пока. – И Валерьян обернулся к Алене. Ее он тоже обнял и тоже поцеловал, причем их поцелуй длился, наверное, целую вечность – так, по крайней мере, Марине показалось.

Вечер без Валерьяна и даже без надежды на него где-нибудь наткнуться показался Марине неимоверно тоскливым. Она изо всех сил старалась не думать, что осталась одна, да и не одна она была. Денис, чувствуя ее состояние, ходил за ней буквально по пятам, без конца рассказывая анекдоты и всячески уговаривая не грустить. Женька вынесла для нее из кухни кусок только что спеченного пирога, Соня подарила ей любимую бусинку, а близнецы специально для Марины нарисовали по танку и по самолету. Ольги с Ильей весь вечер нигде не было видно, но Джейн впервые за все это время сама подошла к Марине и тихо, робко спросила:

– Вы ведь нам еще почете, да? Ну пожалуйста!

Для ребенка, растущего в таком бардаке, она была на удивление хорошо воспитана.

В конце концов Марину, бесцельно бродящую вниз по коридору, встретила Алена, молча, ничего не говоря, обняла за плечи и утащила к себе.

Таинственным и незнакомым было для Марины это «к себе». Оказалось, что Алена живет прямо за столовой: дверь в ее комнату скрывалась за большим, с потолка до полу, ковром. Марина и внимания никогда на этот ковер не обращала: висит себе и висит, и рисунок какой-то стандартненький. Так вот почему Алена появляется всегда так внезапно и так

неслышно!

Кровать у Алены – непривычно для здешних мест узенькая, с панцирной сеткой и никелированными шариками. Возле кровати, под окном, прялка, настоящая, старинная, безумно красивая. Рядом с ней письменный стол, широкий, светлого дерева. На столе лампа под стеклянным зеленым абажуром, возле нее будильник, желтая стеклянная кошка и стеклянная же низкая широкая вазочка, полная всяческой бижутерии, среди которой Марина углядела, наряду с всевозможными симпатичными фенечками, несколько вполне настоящих по виду драгоценностей. В углу над кроватью висела увитая засохшими цветами старинная икона Богоматери с незажженной лампадкой. В противоположном углу стояла высокая глиняная ваза с торчащими из нее длинными камышинами. По стенам висели полки с книгами и безделушками. Казалось, что в этой комнате живет – и именно так, без никаких изменений – лет пятьдесят, не меньше, один и тот же человек. Однако ясно было, что человек этот никак не мог быть Аленой, ей ведь всего девятнадцать.

Марина отметила идеальный, но совсем не давящий порядок. Возле письменного стола – глубокое мягкое и тоже зеленое кресло. У Алены вообще много зеленого: и покрывало на кровати, и занавески. На занавесках вышиты большие золотистые птицы.

На кровати, на прикрытых покрывалом подушках растянулся вчерашний кот. Так вот, значит, откуда он приходил!

За стеклами полок множество фотографий – взрослых и детских. Среди прочих – фотография обитателей Крольчатника: весь здешний народ расселся летним вечером на крылечке и счастливо улыбается в объектив на фоне розового заката. При взгляде на эту фотографию Марину вдруг охватила такая тоска по весне, что перехватило дыхание и закололо в груди. И до каких только пор будет все валить и валить этот снег за окном, и когда только перестанет быть так холодно! Марина тяжело вздохнула и осторожно опустилась в кресло. Алена устроилась на кровати и словно машинально крутанула колесо прялки, затеребила кудель. Потянулась нитка.

– Чья это шерсть? – спросила Марина.

– Руслана, конечно, – улыбнулась Алена, руки которой двигались плавно, как бы сами собой.

– Как ровно у тебя получается! – восхитилась Марина. – Кто тебя научил?

– Няня. Тут, в этой комнате, когда я была маленькая, наша няня жила, и такая была няня – просто настоящая Арина Родионовна! Нас на ее шее всегда такая куча была – и для всех у нее как-то и доброе слово находилось, и меня, видишь, прясть научила.

– А откуда вас у нее была целая куча? У тебя что, много братьев и сестер?

– Как тебе сказать? – Алена на минуту задумалась. – Видишь ли, мой папа был женат четырежды, и у всех жен были дети, а еще один ребенок у него, так сказать, внебрачный. Я

самая младшая. Так что, когда я родилась, у папы уже внуки моего возраста были, мои, стало быть, племянники. Но тут еще и просто дети жили, ну всяких там родственников и знакомых. Друзей, опять же, у папы много. А здесь ведь для детей просто райское место! Так что видишь, – Алена засмеялась, – получается, что здесь всегда был Крольчатник, ну, по крайней мере, сколько я себя помню. – Смеялась Алена очень тихо и очень заразительно.

Надо же! Идея такого бесконечного Крольчатника Марину просто потрясла. Вот так живешь, живешь себе и не знаешь, что где-то в мире есть, существует такой вот теплый кармашек, специально для бездомных кроликов вроде тебя.

– А сейчас где же они все, куда подевались?

– Ну... – Алена опять задумалась. – Три брата у меня в Америке. Один – в Канаде. Одна сестра в Израиле, другая во Франции. Так что получается – одна я здесь осталась.

– А мама твоя где? – не унималась Марина, хотя и чувствовала уже, что вплотную подобралась к той границе праздного любопытства, за которой его уже называют бесцеремонностью.

– Мама в Англии. Вышла замуж за тамошнего журналиста. Я еще во втором классе училась, когда она уехала. – В голосе Алены незаметно было ни тоски, ни грусти. Движения рук, усердно тянущих тонкую нить, по-прежнему были ровны и безмятежны. – Вообще-то она меня регулярно навещает. Раз в два года примерно. Ну, там, конечно, подарки вся-

кие шлет – это уж закон, как же без этого. Звонит даже иногда. Одним словом, не забывает. Правда, Магда – это папина вторая жена – мне все-таки гораздо ближе. Она, по крайней мере, хоть не в Англии, а в Переделкино, можно сказать, под боком. – Алена аккуратно связала концы оборвавшейся нити и ласково посмотрела на Марину: – Ну, давай ты теперь что-нибудь о себе расскажи. Валерьян говорил, ты в какой-то там супершколе учишься?

– Училась. – На Маринино и без того унылое лицо набежала новая тень.

– Английский, наверное, хорошо знаешь?

– Да, знаю.

– А у меня вот – не поверишь! – в школе немецкий был. Такой вот архаизм. А теперь вот как в анекдоте: мама в Англии, а дочка по-английски ни бе ни ме, смех, да и только! – И Алена действительно рассмеялась, а потом, немного помолчав, заговорила уже о другом. – Ну а кого ты хочешь, мальчика или девочку?

– Кого хочу?! – Марина никогда не ставила себе этот вопрос таким образом. Да никого она не хочет, если уж по-честному. Другое дело, что представляет она его себе, этого ребенка, почему-то только мальчиком, но это отнюдь не значит, что она именно мальчика хочет. Все это Марина довольно сумбурно объяснила Алене, и та ее, кажется, поняла.

– А я в первый раз ждала девочку. Так была уверена... А родился Никита. – И Алена тяжело вздохнула, словно заново

переживая горчайшее разочарование.

– Но у тебя ведь теперь есть Соня! – напомнила ей Марина.

– Да, теперь есть. Поэтому теперь я опять хочу мальчика.

– А что, будет? – с любопытством спросила Марина.

– Еще точно не знаю, но, кажется, да, – мечтательно протянула Алена и пристально посмотрела Марине в глаза. – Я еще никому-никому не говорила, тебе первой.

– Спасибо. – Марина и в самом деле была тронута. – А можно спросить почему?

– Не знаю. Так. Ты мне очень нравишься.

– Ты мне тоже, – искренне сказала Марина.

– Да? Ну вот и славно. – С Алениных плеч словно упала какая-то тяжесть, и она сразу же предложила: – Послушай, давай ты пересядешь ко мне на кровать и расскажешь мне немножко про вас с Валерьяном, ну, как у вас все получилось и почему.

– Ну... – Марина смутилась, и хотя на кровать пересела, но на самый краешек. – Я даже не знаю... об этом ведь не расскажешь.

– Почему? – удивилась Алена. – Впрочем, я, наверное, странный человек. У меня, если подумать, просто нет ничего такого, о чем бы я не могла рассказать, зато, правда, есть много такого, о чем не хочу. – Зрачки ее на мгновение сузились, голос стал жестким. Но минуту спустя все снова стало прежним, голос – тихим и мелодичным, а сама Алена – мяг-

кой и доброй. – Ну скажи хотя бы, ты его любишь?

– Да, – не задумываясь, выпалила Марина и сразу, как бы сдавая назад, добавила тише: – Мне кажется, да.

– Он к тебе очень хорошо относится, – тихо, словно доверяя какую-то тайну, сказала Алена.

– Откуда ты знаешь? Он что, тебе сам сказал?

– Конечно. – И, видя, что Марина слегка расстроилась, Алена быстро добавила, желая утешить: – Он мне вообще всегда все рассказывает, еще со школы. Всегда и про все.

«Боже мой!» – ахнула про себя Марина, пытаясь представить такую жуткую степень откровенности. А главное, главное – внешние обстоятельства, при которых это «все» и «обо всем» рассказывается.

– А стихи он тебе читает? – осторожно уточнила Марина.

– Стихи? Какие стихи? – словно бы удивилась Алена. – Нет, до стихов у нас как-то не доходило. Нам как-то и без стихов всегда найдется о чем поговорить. А что, он тебе стихи читал? – Алена наконец заинтересовалась. – Какие? Чьи?

– Да так, – неопределенно ответила Марина. При сложившихся обстоятельствах ей вовсе не хотелось откровенничать. – Всякие. – И поспешила заговорить о другом: – Алена, а чьи у Вальки в комнате книжки?

– Как это чьи? Его, наверное.

– Вот бы почитать!

– Ой-ой-ой! – Алена наморщила лоб и прицокнула языком. – Боюсь, что сейчас не выйдет. Валька – он же всегда

свой ключ с собой увозит. Подожди уж до его приезда. А вообще ты что, читать любишь? Так ведь тут библиотека есть.

– Библиотека? – обрадовалась Марина. – Где? Большая?

– Довольно-таки. А где... Ты знаешь, тут так не объяснишь. Пойдем, покажу.

Алена мягко, по-кошачьи потянулась и легко поднялась. Они вместе вышли и пошли куда-то по коридору, делая петли и повороты. Дорогу Марина, к сожалению, воспринимала с трудом. Похоже, в другой раз снова придется спрашивать.

Библиотека и в самом деле оказалась громадная. Размерами она напоминала столовую, а уж книг-то, книг! И каких! Ноги у Марины подкосились, она с жадностью схватила с первого же от входа стеллажа ближайший к ней томик и опустилась прямо на ковровую дорожку, проложенную между стеллажами, открыла первую страницу и... Через мгновение действительность перестала для Марины существовать.

Несколько минут Алена постояла рядом, потом молча усмехнулась и неслышно вышла.

Следующие два дня Марина читала, буквально не вылезая из библиотеки. Сразу утром как вставала, так и уходила туда. Завтраки, обеды и ужины она бы, конечно, все пропускала, если бы Денис или Алена время от времени не извлекали ее оттуда, не обнаружив за столом.

В библиотеке было тихо. От остального дома ее отделял небольшой коридорчик и две плотные двери. Фактически это была пристройка, здесь никто не бывал, и ничего тут не было, кроме бесконечных рядов книг на бесчисленных стеллажах. И каких книг!

С головой уйдя в беспорядочное и такое прекрасное чтение, Марина по очереди, наугад снимала с полок Бродского и Бомарше, Мопассана и Монтеня – книги были расставлены по алфавиту.

Все происходящее в реальной жизни воспринималось ею сейчас как сквозь какую-то дымку. Приехал Валерьян, зашел поцеловать, передал привет от мамы, сказал, что привез какие-то вещи. Марина даже не помнила, что она ему ответила. Спала она в эти дни в той же комнате, что и первую ночь, и тоже, конечно, с книжкой в обнимку.

В конце концов как-то утром в библиотеку решительно вошел Денис, силой отобрал у нее «Страницу любви», заявил, что читать так много беременным вредно – ребенок

свихнуться может – и вообще настала ее очередь дежурить по кухне.

– А то как есть – так «где моя большая ложка?», а как дежурить – так ее нету!

– Ты что, Денис, я разве отказываюсь? – слабо возразила Марина. Она еще не отошла от только что прочитанного, и поэтому голос ее звучал нежно, с еле сдерживаемой страстью.

Денис с интересом посмотрел на нее, хмыкнул и ничего не сказал.

По кухне деловито сновала Женя, что-то там вытирала, перекладывала, выдвигала какие-то ящички.

– Утро доброе! – радостно приветствовала она Марину. – Ты говори, что собираешься готовить, а я тебе быстренько покажу, где что лежит, а то ты же не знаешь тут ничего.

– Что я собираюсь готовить? – растерянно переспросила Марина, бессознательно делая ударение на слове «я».

– А кто же – я, что ли? – Женька усмехнулась, но, видя, что Марина и в самом деле паникует, поспешила прийти на помощь: – Послушай, ведь сейчас утро, так? Ну и вари ты на всех кашу, всего и делов-то!

Марина с благодарностью посмотрела на нее. Вообще-то кашу варить просто. Берешь кастрюлю, наливаешь воду, сыплешь крупу, соль и сахар, добавляешь еще потом масло и молоко. Марина, между прочим, не один раз уже варила, правда, дома и для одной себя. И во-первых, на одну себя

всего нужно немного, а во-вторых, для себя, если и не выйдет как следует, – кто про это узнает? А здесь... Варить на столько народу! И надо ведь, чтобы непременно вышло съедобно, а то что же они, бедные, есть-то будут? И как она, Марина, потом будет в глаза им смотреть?

– Марина, ну что ты встала? – поторопила ее Женька. – До завтрака ведь всего ничего! Ты что, кашу варить не умеешь?

– Умею! – с отчаянием в голосе произнесла Марина и решительно потянулась к банке с надписью «Манная».

Минут через десять она уже сражалась с вылезающими из кастрюли жесткими комками.

– Батюшки! – ахнула возвратившаяся Женька, но, видя, как Марина расстроена, сразу же деловито добавила: – По времени не укладываемся, так что давай пока делать бутерброды, а с обедом потом что-нибудь сообразим.

И, в последний раз возвращаясь к теме каши, Женька сказала со вздохом:

– Зачем же ты ухнула целую банку?! Жди теперь, пока из города привезут!

– Я подумала, что нужно много, – покаянно сказала Марина.

– Ну ладно, не горюй! Что ж ты сразу не призналась, что не умеешь? Нашла чего стыдиться!

Женька грубовато привлекла Марину к себе, неловко чмокнула в щечку, потрепала по плечу.

– И ничего такого, все сначала не умеют. Научишься. Да-

вай лучше хлеб резать, а то и с бутербродами не успеем.

Надо отдать им должное – по поводу нестандартного завтрака никто не проронил ни слова. За завтраком Марина не без удивления отметила отсутствие Валерьяна и спросила у Алены:

– Он же вроде уже вернулся, так где же...

– Так он же уже опять уехал. – Алену очень позабавила Маринина растерянность. – Марин, у него же каждые третьи сутки дежурство, ты что, не знаешь разве?

– А... Ну да, – пробормотала Марина и покраснела. Давненько она тут не краснела.

– Говорил: читать меньше надо! – наставительно произнес Денис. – За книжкой-то все на свете пропустить можно.

– Да ты не горюй! – утешила ее Женя. – Глядишь, завтра уже вернется.

– Как завтра? – Марина опять ничего не понимала. «Интересно, – подумалось ей, – сколько же дней я так прочитала?» И она твердо решила отложить на время визиты в библиотеку.

После завтрака она сначала готовила обед под чутким руководством Жени. Вышло, для первого раза, довольно удачно. Потом, с трудом перебарывая искушение пойти почтить, Марина отправилась в детскую, где Никита показал ей, как управлять луноходом на расстоянии. Вроде простое дело, а у Марины никак не выходило. Потом она наконец разобрала привезенные Валерьяном вещи и отложила кое-что пости-

рать. С этой целью она пошла в ванную, отыскала там порошок и тазик и, напевая, принялась за работу.

Она намыливала уже четвертые трусики, когда в приоткрытую дверь просунулась курчавая голова Ильи.

– Можно? – вроде бы вежливо спросил он и сразу, не дожидаясь ответа, протиснулся внутрь. Его сильное, плотное тело заняло собой изрядную часть ванной. Сразу стало тесно и неудобно. – Так слушай, Мариночка! – деловито сказал Илья, присаживаясь на край ванны и закуривая, – я бы хотел, если ты не очень против, сразу же все выяснить.

– Смотря что это «все», – осторожно ответила Марина.

– Ну, например, как твоя фамилия.

– Зачем тебе? – отчаянно и неумело, так, что побелели костяшки пальцев, выкручивая очередную часть туалета, спросила Марина, с трудом выталкивая слова сквозь стиснутые от напряжения зубы.

– Ну мало ли... – Илья неопределенно пожал плечами. – В конце концов все мы, евреи, друг другу родственники.

– Ах с этой целью! – Марина рассмеялась. Родственников своих она практически не знала, просто принципиально ими не интересовалась. – Фамилия моя Каплан. Может, тебе это что-нибудь и скажет, – и Марина словно бы выжидательно, а на самом деле внутренне смеясь, посмотрела на Илью.

Тот на несколько минут вроде бы озадачился, затем лицо его неожиданно прояснилось:

– Маму твою не Люсей зовут?

– Ну... Люсей. – Теперь озадачилась уже Марина.

– Ага. А папа – Алексей Львович, так?

– Ну так.

– А меня ты совсем не помнишь?

– Нет, – не задумываясь, сразу сказала Марина. Вообще этот разговор все больше ее раздражал. Господи, неужели этот чувак – и в самом деле родственник? Этого ей только не доставало!

– А ты попытайся! – настаивал Илья. – Восемьдесят первый год. Эстония. Эльва. Ну?

Эльва. В Эльву они когда-то ездили буквально каждое лето, до того, как перекрыли границу, и всегда в компании каких-то там родственников. Но восемьдесят первый год...

– Послушай! – взмолилась наконец Марина, увидев, что Илья по-прежнему не уходит из ванной и, похоже, по-прежнему чего-то там ждет. – В восемьдесят первом году мне было три года. Я просто ничего не помню, честное слово!

– А как я нес тебя на руках с озера? – настаивал Илья с неожиданно появившимся на лице ностальгически-трогательным выражением. – Ну вспомни, у тебя тогда был приступ аппендицита. Как мы потом с твоим папой ловили машину, чтобы отвезти тебя в Тарту, в больницу. Думали, операцию будут делать. Так все волновались!

Вот аппендицит Марина помнила. Еще бы, такое забудешь! Озеро было глубокое, прозрачное и очень холодное. И такой же глубокой, прозрачной, но только до ужаса горя-

чей, обжигающей была неожиданно возникшая боль. Марина лежала на берегу, смотрела на сверкающие, умытые водой камушки, ей было так хорошо, солнышко греет, деревья шумят, и какая-то компания – родственнички, наверное, – катается рядом на тарзанке. И какая-то собака с большими, чудесными, пахнущими тиной ушами. Наверное, спаниель. Звали, кажется, Бьюти. И вдруг эта боль в животе. Жуткая, резкая, острая и такая горячая. Так неожиданно! Наверное, с тех самых пор во всякий чудесный, блаженный миг Марине вдруг начинало казаться, чудиться, ждаться, что вот сейчас обязательно нахлынет такая же резкая, жгучая боль – как бы расплата за сиюминутное блаженство. Наверное, поэтому Марина всегда так боялась моментов, когда ей было особенно хорошо.

Сквозь туман боли Марине смутно помнилось, как ее несли – по очереди, отец и какой-то мальчик – видимо, этот вот Илья. Сколько ему тогда могло быть лет? Уж никак не меньше десяти. Марина искоса глянула на Илью. Сейчас он, во всяком случае, не выглядел слишком старым. Илья поймал ее взгляд и улыбнулся. Марине ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ.

Да, а у отца тогда были такие странные глаза – Марине на всю жизнь запомнилось их выражение: испуганные и в то же время словно бы чего-то ждущие, что ли. В иные моменты Марине казалось даже, что он словно бы чему-то радуется, вот-вот песенку запоеет.

Тьфу, жуть какая! Марина даже встряхнулась, отгоняя от себя эти дурацкие мысли как наваждение. И лезет же в голову! И ведь наверняка это даже и не воспоминания никакие, да и какие там настоящие воспоминания могли у нее с тех пор сохраниться – совсем ведь малая была! Так, бред какой-то, возникший на почве боли и температуры, на который уже гораздо позже наложились впечатления и воспоминания всей Марининой последующей жизни. Ясно же, что ничем иным это все быть не может.

Илья, видимо, тоже что-то такое вспоминал – взгляд у него сделался задумчивый, и весь он как-то притих, сосредоточившись на какой-то ему одному ведомой мысли. Наконец Илья тряхнул головой, в точности как только что Марина, и проговорил, неуверенно растягивая слова:

– Странный он какой-то был, твой отец, или совсем уж голову потерял от беспокойства: побежал тогда почему-то на старое шоссе вместо нового. Там и машин-то почти не бывает, просто чудо какое-то, что нам удалось тогда поймать тот узик. Врач потом сказал – еще б немного, и поздно.

– Да ну, поздно! Разве от аппендицита сейчас умирают! – Марине никогда всерьез не верилось в возможность собственной смерти.

Теперь она вспомнила Илью, вернее его руки – крепкие, мальчишеские, точно сплошь покрытые коркой из свежих и уже подживающих царапин, с твердыми мозолями от гребли. В то далекое лето Илья часто таскал ее на руках и без

всякой болезни – наверное, ему просто нравилось возиться с малышами, странное вообще-то увлечение для мальчика его лет. Еще он катал ее на качелях, висевших почему-то над самым обрывом. Илья раскачивал качели высоко-высоко, так что Марине делалось и страшно и сладко одновременно. Она ни за что не хотела показывать ему свой страх и все кричала: «Еще! Еще!», хотя сердце, бывало, готово было выпрыгнуть из груди.

– Ну что, вспомнила? – Илья смотрел на Марину улыбаясь.

– Ага, – ответила Марина. – Вот только я не знаю, кем ты мне приходишься.

– Проще простого. Я себе для памяти даже родословное древо нарисовал, чтоб не путаться. Зайдешь потом ко мне в пристройку, покажу. Оно у меня там на стенке приколото. А ты мне... Ну как тебе объяснить? Вот у моей бабушки был двоюродный брат, некий Моисей Юзовский. В Гродно они жили. Так он твоей маме родной прадедушка, ясно?

– Ясно. – Марина засмеялась. – Нашему забору двоюродный плетень это называется.

– Ну не скажи. – Илья, кажется, слегка обиделся, но не выдержал и тоже рассмеялся. – А ты где белье развешивать собралась?

– Пока не знаю.

– У нас тут все на чердаке вешают, пойдем, покажу.

– Пошли.

И они отправились на чердак.

На чердаке Марину ждала новая неожиданность. На крыше, где ей, собственно, и положено было быть, оказалась полная голубей голубятня.

— Это Денискины, — объяснил Илья. — Он сам у нас — крылатая натура и до смерти любит, чтобы вокруг него все время что-нибудь летало. Вот смотри! — Илья распахнул окно, выбрался на крышу, осторожно встал во весь рост и взмахнул шестом. Голуби разом снялись и описали вокруг него ровный, красивый круг. — Ну как тебе? — крикнул Илья.

— Здорово! — откликнулась Марина, с восторгом глядящая из окошка.

— Вот и я думаю, — возвращаясь к ней, сказал Илья. — Ну а теперь бегом вниз, а то простудишься.

Он только сейчас заметил, что на Марине один только тоненький халатик.

Потом этот пестрый голубиный круг часто виделся Марине во сне, словно воплощение какой-то недоступной ей крылатой свободы.

День дежурства, несмотря на все изначальные тревоги, заканчивался хорошо. После приготовленного вдвоем с Женеи ужина Марина собственноручно очень тщательно вымыла в кухне пол, оттерла до блеска плиту и уже по собственной инициативе протерла кафель на стенах. Кухня сразу заблестела, засверкала, в ней сделалось светло и в тысячу раз уютней, чем было. Марина вымыла засиженное мухами стекло, покрывавшее небольшую картину, висевшую над маленьким столом. На картине был замок, стоящий на вершине горы и освещаемый полной луной. У подножия замка сидел волк и, по всей видимости, на эту луну выл. Низ горы утопал в густых, непроходимых темно-зеленых лесах. По темно-синему небу, направляясь к полной луне, плыло большое сиреневое облако. Это Марина так думала, что оно плывет к луне, а так-то оно, может быть, и обратно плыло. Кто там его знает.

Вытерев стекло и повесив картину обратно, Марина еще раз с удовлетворением осмотрела плоды своего труда, выключила свет и вышла. На лестнице был полумрак, тускло мерцал ночник где-то наверху. Марина осторожно обошла спавшего на полу у первой ступеньки Руслана и стала медленно подниматься вверх. Усталые ноги не слушались ее, в голове все как-то плыло, и казалось очень тоскливым, что вот лезет она сейчас куда-то на самую верхотуру во все еще

совершенно чужую комнату, а ее там даже никто и не ждет...

От жалости к себе Марине тоже вдруг захотелось завывать, как тому волку, но уж этого она себе позволить никак не могла! Так что вместо воя Марина только тихонько, тоненько заскулила: «У-у-у!» Бедная она, Марина, никто ее не любит, никому до нее нет дела, все ее позабыли. В скулении этом была, разумеется, изрядная доля самоиронии, но истина оставалась тем не менее на месте: Марине сейчас было очень одиноко. Она заглянула с лестницы в темный коридор второго этажа. Ни из-под одной двери никакого света. Да, долгонько она провозилась на этой кухне! Все уже, наверное, спят. И уже без всякой надежды Марина испустила последнее «у-у-у», чуть громче и тоньше предыдущих, после чего, не оглядываясь, полезла дальше, к себе наверх.

Но не успела Марина миновать и трех ступенек, как на ее плечо легла легкая, узкая рука. Марина резко обернулась и с размаху уткнулась в чье-то уютное теплое, мягкое плечо. Несколько минут Марину обнимали и целовали, и она постепенно тонула в блаженстве от того, что страшное ночное одиночество кончилось, почти даже не начавшись. И только спустя минуту Марина смогла заставить себя очнуться и поднять наконец глаза. Перед ней стояла Алена. На секунду Марину кольнуло разочарование, хотя кого бы она ожидала увидеть, она и сама не знала. Валерьян ведь еще не приехал. На глаза Марины навернулись слезы, но высвободиться из Алениных объятий она даже и не пыталась. Уж слишком пу-

гала ее перспектива оказаться снова совсем одной такой темной и длинной ночью, и даже без книжки.

– Не плачь, – прошептала Алена, обжигая губами край Маринино уха и не снимая руки с Маринино плеча. – Пойдем, посидишь у нас.

Предложение это Марину слегка напугало, но оставаться одной было все-таки гораздо страшнее.

В комнате Дениса оказалось почти светло – от снега, ковровом лежащего внизу, во дворе, и здесь, на крыше, от полной луны, круглым рыбьим глазом глядящей сквозь стены-окна. Кровать была разобрана, и огромное прекрасное тело Дениса ясно вырисовывалось на ней, едва прикрытое одеялом. На Алене был легкий шелковый халатик без пуговиц, с незавязанными завязочками, и Марина в своем довольно-таки длинном махровом халате и белье показала себе какой-то уж слишком одетой. Ночь возбуждала ее, покалывала, передельвала, изменяла на какой-то свой лад, подталкивая сделать что-нибудь такое, на что при других обстоятельствах Марина, конечно же, никогда бы не решилась. Хотя, собственно, ничего такого она ведь пока не делала. Но ей бы хотелось – чего? Она и сама толком не знала. В самом точном приближении желание ее звучало бы так: раздеться и раствориться в них двоих, Алене и Денисе, перестать быть собой, Мариной, и стать вместо этого ими, обоими сразу. Самой же собой лучше было бы не быть вообще, и уж, по крайней мере, не сейчас и не в этой комнате, ибо вопиющее неприли-

чие заключено было в ее, Марины, здесь присутствии, такой одетой и совсем на них двоих непохожей. В них-то никакого неприличия не было, с ними-то как раз все было в порядке.

Войдя, Алена сразу опустилась на кровать, а Марина так и осталась стоять в дверях как столб, тараща на них испуганные глаза и тщетно пытаясь самостоятельно справиться с обуревавшими ее чувствами. И она простояла бы, пожалуй, еще довольно долго, а то в конце концов, наверное, еще и убежала, если б не прозвучал в темноте голос Дениса:

– Эй, ты что стоишь, как у праздника?

«Как у праздника», – мысленно повторила Марина. Какое точное определение! Она ведь, вот именно, стоит у чужого праздника! И Марина вдруг подумала, что вот на ее, Маринину, долю никогда ничего такого не выпадало и, уж конечно, никогда не выпадет, потому просто, что она, Марина, не такая – не такая красивая, не такая теплая, не такая любящая, и поэтому вовсе не для нее существуют в этой жизни такие вот прекрасные праздники. Ей, Марине, дай бог иметь хотя бы прекрасные будни.

Мысль эта так расстроила Марину, что опять, как только что на лестнице, губы у нее задрожали, ноги ослабли и она просто вынуждена была присесть на эту теплую, полную волнующих запахов кровать. Из всех сил Марина старалась не замечать всех видимых и невидимых следов этого не имеющего к ней отношения праздника. Съежившись в уголке, она тихо заплакала, стараясь по возможности не слишком часто

хлюпать носом. Алена перебралась поближе к ней, обняла, прижала тяжелую, горячую от слез Маринину голову к своей роскошной мягкой груди, а Денис с другой стороны стал нежно гладить Марину по плечу, слегка массируя руку где-то возле ключицы длинными чуткими пальцами.

– Забирайся под одеяло, – прошептала Алена. – Ты же совсем замерзла.

Только сейчас Марина заметила маленькую, под самым потолком, открытую форточку. Это через нее в комнату проникал холодный колющий воздух, принося с собой танцующие в лунном свете снежинки.

Марина почувствовала, как теперь, после плача, наваливается на нее тягучая, обволакивающая усталость. Молча, без возражений позволила она увлечь себя на кровать. Они лежали по обеим сторонам от нее, гладили ее, ласкали и ни о чем не спрашивали. Марине казалось, что под их ласками все тяжелое, темное, всю жизнь не дающее ей нормально дышать, постепенно куда-то уходит, сползает с нее, как надоевшее платье, как расстегнутый чьими-то руками, ставший совсем ненужным халат. Алена осторожно просунула ей руку под спину и один за другим, словно играя, перебрала крючки на лифчике. Другой рукой Алена подтянула лифчик вверх, к шее, и тут же Денисова рука легла на твердые маленькие Маринины груди с закаменевшими от возбуждения сосками. Чьи руки были у Марины между ногами? Она не знала, не успевала заметить, едва успевая отвечать, при-

нимать эти безымянные ласки, выгибаясь, двигаясь им навстречу всем телом и чувствуя, как становится там, внизу, влажно, ждуще, трепещуще.

Марина очнулась, только когда лицо Дениса внезапно оказалось над ней. Он пытался войти, а Алена ему помогала, раскрывая для него Марину осторожными ласковыми движениями. Марина вздрогнула и тут же пришла в себя. На секунду она зажмурилась, затем широко-широко раскрыла глаза, точно не веря.

– Нет! – закричала она так громко, точно эти двое были где-то далеко и могли ее не услышать.

– Тише! – Аленина рука стремительно зажала ей рот. – Весь дом перебудишь.

И тут же Марина с облегчением почувствовала, как скатился с нее Денис.

– Испугалась? – зашептал он Марине в самое ухо. – Ну и зря. Хорошо же было.

– Но, Денис, – чуть не плача заговорила Марина, поворачиваясь к Алене спиной, словно ее тут и не было. – Я же не могу так! Я же Вальку люблю, понимаешь?

– Ну и... – Денис фыркнул. – Или ты думаешь, его это ебет? Или хотя бы подмахивает? – Он был явно раздражен и даже не пытался это скрыть.

– Его – не знаю, – честно сказала Марина, неожиданно успокаиваясь. Ей вдруг все сразу стало ясно. – А вот меня – да. Для меня, видишь ли, очень важно, что я только с ним

и ни с кем больше. Хотя, может, это для кого и смешно, – добавила она с вызовом.

– Что уж тут смешного, – снова фыркнул Денис, садясь и закуривая.

Марина поднялась и потянулась за одеждой.

– Постой, ты куда это? – удержал ее за руку Денис. – Успокойся. Мы ж тут не насильники какие-нибудь.

– Да, уж что-что, а изнасилование в этом доме никому не грозит. Уж чего-чего, а желающих заняться этим делом добровольно тут всегда предостаточно. Не обижайся на нас, Марина, мы ведь как лучше хотели. Видимо, тебе одиноко, бродишь тут по ночам, стонешь, как неприкаянный грешник или привидение какое... – и Алена нарочито громко зевнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.